

18+

Олег Кот

Слезы на

ветру

Книга-реквием

Олег Кот

**MARIUPOL. Слезы на
ветру. Книга-реквием**

«Автор»

2019

Кот О.

MARIUPOL. Слезы на ветру. Книга-реквием / О. Кот —
«Автор», 2019

История великой ненависти последнего из живущих внука Николая II. 2022 год. Мариуполь разрушен. Сотни тысяч беженцев, погибших и пропавших без вести. Но война бастарда против того, кто узнал его тайну, продолжается. Чужими руками он пытается забрать уцелевшую квартиру, осмелившегося рассказать его историю людям. Первая книга о войне за истину о последних днях императорской семьи уже несуществующей Российской Империи. Мариуполь 1994—2014. Все персонажи книги являются плодом вымысла автора. Любое совпадение героев книги с реальными людьми случайно и непреднамеренно.

© Кот О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I РАБ ПЛОТНИКА	6
Смерть крестной	10
1979 Смысл	12
1984 Петр и Павел	14
Копание в мозгах	16
1988	18
1989	21
1991 День рождения	22
Воздвижение 1991 год	28
На том свете с Владимиром Высоцким	32
Глава II Бастард и президент	34
1993 Иди и убивай	37
1994 Господни поминки	40
Патриаршие благословения	43
1995	45
Николай II	50
1996	51
1997	54
1998	58
Последний прием бабушки Зосимы	60
Святитель Иоасаф Белгородский	61
Святитель Спиридон Тримифунтский	62
1999 Ильин день	63
Одиннадцатое августа (Затмение)	64
Дуэль	66
2000	67
Дед и внук	68
Небесные гости	71
День святого Евфимия Великого	75
Никогда не бери в долг	77
Толик	78
Коля и Илья	79
Ванечка разумный	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Олег Кот

MARIUPOL. Слезы на ветру. Книга-реквием

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история, словно сошедшая со страниц ужасной сказки, имела место в наше время. Она будет рассказана от первого лица без купюр, вымысла и преувеличений. Одна из причин, по которой я сел за клавиатуру, стала гибель моего города, Мариуполя. Я в нем родился и теперь он лежит в руинах. Почему? Я стал свидетелем стольких беззаконий, процветавших в городе у моря, что у меня не оставалось сомнений: это все нужно описать! А приговор Божий только подтвердил мое желание.

В июне 1991 года я жил у родни в Москве. Мне нужно было оформить визу в ФРГ. Приемная мать очень желала увезти меня в Германию, женить на немке, чтобы я всегда был под рукой. Советский мир дышал на ладан и Эрика приложила максимум усилий. Ее знакомый, немец-дворник из Пфорцхайма, отправил мне в феврале 1991 года гостевое приглашение. В мае я получил загранпаспорт, в июне занял очередь в немецкое посольство. Думая, что в Германию просто уехать, еще в мае купил билет до Карлсруэ, но визирование перенесли на сентябрь и билет пришлось продавать. Я быстро нашел покупателя и назначил ему встречу в метро.

Тем вечером на Таганской я увидел сцену, которая изменила всю мою жизнь. Я ждал поезда, как вдруг меня обступили шумные и пьяные московские проводы в армию. Гармонист играл задорные частушки. Он словно выпал из забытого кино: кудрявые густые волосы, картуз на затылке, рубашка-косоворотка. Такое не часто увидишь. Это заставило обратить на него внимание. А дальше порядком подвыпивший дедок вдруг оборвал частушку на половине аккорда, сел на скамейку и запричитал.

– Как плохо, что у русских нет царя, – склонившись к гармонии, застонал дед. – Мы так все и пропадем без него. Не будет нам удачи, пока царя не будет. Царь нам нужен, царь, – и уронив голову на гармонию, заплакал.

Жалобно застонав, гармонь выскользнула из его цепких пальцев и упала на скамейку. А меня словно током ударило. То, что я искал шесть долгих лет, ключ к основам основ русского менталитета, сидело на скамейке и смотрело на меня потерянным взглядом пьяных глаз. Раздавленный и уничтоженный мир русского царства еще жил в воплях и столах пьяного гармониста. «Так вот в чем дело – люди хотят царя. Спустия столько лет. Ну что ж, вы его получите», – решительно подумал я.

Поезд мчал меня на окраины города. Я вышел через две станции. Сзади меня стоял все тот же гармонист и пристально смотрел мне вслед. Ни гармонии, ни слез, ни следов алкоголя. Мертвый взгляд черных глазниц не выражал ровным счетом ничего. Ужас смерти стоял за его спиной и жадно вглядывался в только что пойманного простеца. Никогда не живший на Земле призрак пришел за мной под видом несчастного старика, забрал у меня все, что еще можно было забрать и исчез навсегда.

ГЛАВА I РАБ ПЛОТНИКА

Моя мать познакомилась с отцом в Туве. Он искал романтики без кавычек и напросился сам в Дзун-Хемчикский район, где работал ветеринаром. Маму никто не спрашивал. Она попала туда по распределению после медучилища. Лух Ивановский или Тува. Первый слыл синонимом чумы и она выбрала Туву.

Двадцатого сентября 1965 года они расписались в Чадане и первые четыре месяца своей жизни я прожил под сердцем моей родительницы в поселке Сут-Холь в самом сердце Саян. Беременность протекала ужасно. Жесточайший диатез, отекавшие ноги и потеря веса до сорока килограммов. Впереди замаячила смерть. И тогда мама решила сделать аборт. Она объездила всех гинекологов в округе, но никто не соглашался. Последний врач-акушер сказал ей на прощание:

– Кому угодно сделаю, но только не тебе, Верочка. Терпи и рожай.

И кто бы тогда сказал, что моим тайным земляком станет Сергей Кужугет оглу Шойгу, министр обороны Путина, его правая рука, которая и поставит точку в «тувинской» истории Путина.

Скоро из той глухой горной долины пришлось уезжать вслед за отцом в Украину, где в городе Жданове жили его родители. Он наелся «романтики». А восток («дзун» на монгольском) остался в моей крови, так что спустя много лет шартумский монах, снимая с меня эпи-трахиль, изумленно скажет.

– Как много в тебе востока.

Я посмотрел на него как на недоумка. Стоило только ради этого идти в монахи.

Первые несколько месяцев «молодые специалисты» жили в поселке Агробаза, что совсем рядом с городом. В отличие от честных и простых как дети тувинцев, жители юга Донбасса были приучены с детства тянуть все, что плохо лежит. Ближе к вечеру весь поселок приходил в движение. Его жители разбредались кто куда, чтобы к утру быть с наваром.

Однажды ночью к ферме, где отец числился ветеринаром, подъехал грузовик. Вооруженные люди, папаши нынешних предпринимателей, не найдя никого из начальства, поехали к нам домой. Им нужен был отец как должностное лицо. Действовали по схеме: вытаскивали из постели сонного ветеринара, под обрезом заставляли открыть дверь фермы и тот сам выводил штук пять упитанных телок. Ведь лучше ветеринара колхозное стадо никто не знал.

Это соучастие в грабеже. Его находили первым и сажали вместо всех. А банда перекочевывала в другой район.

Как только к дверям дома подъехала машина, мама выглянула в окно и все поняла. О лихих парнях шли страшные слухи. За нежелание отдать самому колхозное добро убивали на месте. Пощады не было никому. Отца ждала смерть. Он ни за что не отдал бы им скотину.

– Как только дверь заходила ходуном, я от страха заорала так, что Сергей и Юлия (сестра отца с мужем) тут же проснулись и выбежали на улицу. Через минуту возле дома собралось человек пять и страшным мужикам с обрезам пришлось уехать. Мне стало так плохо, что думала, будет выкидыш, – рассказывала мне мама впоследствии.

После этого родители переехали в город, на Новоселовку, а советских «предпринимателей» вскоре нашли и расстреляли. Три попытки сделать аборт в Туве, ночной ужас на Агробазе – преисподняя восстала против моего появления на свет. Но седьмого числа седьмого месяца в семь часов вечера по местному времени Иван Купала на огненной лошадке промчался по Жданову.

– Ты родился обвитый трижды пуповиной и без малейших признаков жизни. Хорошо, что рожала акушерка. Пока те растяпы с раскрытыми ртами бегали за врачом, освободила тебя от пуповины и привела в чувство. Ты поморщился, закричал и сделал первый вздох.

Ребенок с белыми как лен волосами был настолько крепким и здоровым, что все диву давались. Я ничем не болел. После стольких злключений это выглядело как чудо. Но оно продлилось ровно одиннадцать месяцев.

Кока (крестная). В июне 1967 года к нам ни с того ни с сего приехала крестная моей матери или кока. Ее звали Татьяна Тарасова, русская родня по матери. Была она православной активисткой. Отсидела восемь лет за веру. Входила в список двух церковных двадцаток – церкви Всех Святых на Армянском кладбище и общину кафедрального собора города Кишинева.¹ На следующее утро после приезда, задрав гордо нос, заявила во всеуслышание.

– Бог приказал крестить твоего сына! – с этими словами «раба Божья Татьяна» сгребла меня в охапку и потащила в церковь.

– Кока! Ребенок ничем не болеет, он совершенно здоров! – мама бежала сзади и плача пыталась вырвать меня из рук «крестной» матери. Неожиданно на нее напал страх и предчувствие чего-то неотвратимого. Через день после первой в моей жизни принудилки меня свезли в реанимацию с почти сорокаградусной температурой. Тонзиллит.

Я не был первым, кого кока крестила без согласия родителей. Спустя пару лет под раздачу попадет моя троюродная сестра, Нанка. Ее жизнь будет очень тяжелой. В конце концов она сохнет и умрет от цирроза печени в возрасте сорока семи лет. На языке православных такая смерть равносильна самоубийству. Большинство священников, узнав о таком диагнозе, отказываются отпевать. И никому в голову не придет винить в такой смерти «светоча веры» из города Шуи.

После моего крещения отец стал спиваться катастрофическими темпами и мама отвезла меня в деревню под Шую, где доживали свой век ее приемные родители. Год с небольшим я наслаждался полной свободой и безнаказанностью, пока к нам в Семейкино вновь не приехала крестная. Одним теплым апрельским деньком кока задумала постирать. Налила корыто кипятка и ушла к моей бабке в дом.

Через минуту возле него появляюсь я. Место возле летнего крыльца было тесным и скользким из-за стальной плиты возле ступеней. На ней-то я и не смог развернуться. Пришлось садиться задом в кипяток. Когда на мой плач выбежала крестная, я обварился до костей. Меня вновь свезли в реанимацию. Теперь уже на три недели. Безумная Татьяна так ничего и не поняла, во что и с чем она играла, щедро поливая смертельным огнем несчастных детей. А шрамы на ягодицах остались до сих пор.

Спустя много лет, в 2013 году, мой приятель подарит мне на Ксению Петербургскую «царя на коне» – медную копейку 1895 года.

– Возьми, это тебе от Ксении. Год коронации Николая Александровича.

Посмотрел на копейку и ни слова не сказал ему (коронация царя пройдет годом позже). Я понял, что хотела сказать юродивая. Моя загубленная жизнь дело рук моей крестной, которая родилась в 1895 году.

В той деревне Семейкино со мной произошел случай, который и предопределил всю мою дальнейшую жизнь. Июнь 1970 года. У меня была удивительно добрая подружка, соседская девочка-подросток. Мы частенько играли вдвоем под окнами бабкиного дома. Она была старше меня на шесть-семь лет. Ей было не больше двенадцати. Мать воспитала ее верующей. После повторного «крещения кипятком» с меня не спускали глаз. Я был словно на поводке.

Подул сильный ветер. С северо-запада стремительно надвигалась сплошная темная стена. Она проглотила солнце, перламутровые тучки. Темнеющий ковер неба превращался в мрачную скалу, нависшую над бабушкиным домом.

¹ Двадцать верующих человек, необходимых для регистрации и открытия храма. Этих людей из списка сажали первыми. Сайт Древо открытая православная энциклопедия. – Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 года. URL : <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> – Просмотрено 3 августа 2017.

– Давай загоняй его. Сейчас полетит, – недовольно кричит бабка.

Та за мной, я от нее. Кому охота сидеть взаперти. Наконец, она хватается меня за руку и тянет к дому.

– Загоняй его! Нечего на него глядеть, – сердится бабка.

Девочка крепко-накрепко прижимает меня к себе и шепотом говорит на ухо.

– Если ты не будешь меня слушаться, я подброшу тебя высоко-высоко и Боженька заберет тебя к себе.

– Не-ат, нет-нет! – после такого заявления начинаю брыкаться и вырываться из ее цепких рук.

Мои барахтанья ее только рассмешили и она подбросила меня понарошку. Поймала и уже изо всей силы подбросила снова вверх. В это время раздался страшный раскат грома. Блеснувшая молния разорвала черный небосвод надвое и в центре образовался ослепительно лазурный просвет. Он совсем не был похож на наше небо.

Свет шел откуда-то издалека. Там, откуда был он, солнце было бы в роли керосиновой лампы. В центре разрыва я увидел Юношу, возраст которого определить было невозможно, потому что Он его не имел. Недаром же в церкви поют «безлетный Сын явился еси».

Юноша был очень красив, но красота Его была неземной. Волосы темно-каштановые, разделены пробором и одна непокорная прядка волос лежала отдельно на высоком лбу. Из Его глаз исходило Нечто, что условно можно назвать властью над всем. Тяжесть этого Нечто невозможно описать словами. Для моих четырех этого хватило, чтобы я заорал так, как не орал никогда в жизни. После такого встреча с домовым стала казаться мне сущим пустяком.

В следующее мгновение вытянутые руки подружки поймали меня и прижали к груди. Начался ливень и меня просто сунули в открытое окно к бабке.

Надмирный лик, темно-синяя риза с прямоугольным вырезом, искусно украшенная узенькой полоской вышивки. Так на Земле вышивать не могут. У фресок Нестерова есть отдаленное сходство с тем ликом. И глаза, в которых нестерпимый свет Власти над всем.

Имя ношу шведское,
Время мое детское.
На Ивана Купала лазурь
Пеленки свила из бурь.
Шуя без куполов
Растеряла своих ангелов.
Бога не ведая власть
Рвусь нагуляться всласть.
Мне четыре всего – закаляюся,
С агитацией – не соглашаюся,
Небо синее – игнорирую,
Встречу с Господом – не репетирую.
2001

От того семидесятого года осталось пронзительное ощущение навсегда упорхнувшего счастьяца. Зеленое яблоко, высокий стул на кухне, который вот-вот опрокинется под маленьким мальчиком, часы с маятником. Он смотрит на спящие сугробы за окном, рассматривает черный амбар, жует зеленое яблоко с магазинной котлетой без хлеба. Когда котлета съедена, в руки берется пустая коробочка из-под импортных лекарств. Внутри ее живет непередаваемо тонкий аромат горькой ванили. Он лучше любого десерта. Европа! Только она может так пахнуть! Бьют с шипением часы, коробочка прячется в карман рубашки, отведавший кайфа маль-

чик слазит со стула и бежит к бабушке. Сказка оборвалась с приездом моей мамы. Меня выловили из силосной ямы, где я помогал колхозу спасать урожай и привезли обратно в Жданов.

К 1972 году мои несчастные родительницы, бабушка и мама, скопили полторы тысячи и отдали первый взнос за кооперативную квартиру. Это могло случиться немного раньше, но мой благоверный папаша украл у матери шестьсот рублей и пропил их без стыда и совести. По желанию бабки мама выбрала первый этаж.

Первое время мы спали на полу. Мебели как таковой в квартире не было. Игрушек мало-вато. Зато были сны. Весной того года мне приснился кошмар, который я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Стена в зале, выходящая на юг, вдруг раздвинулась, что само по себе жуть, и из нее вышла величественная женщина. На вид ей было за пятьдесят.

Она была высокого роста, откровенно красива и одета не по-нашему. Сине-зеленая плотная ткань одеяния была как из фильмов о древнем Риме. Верх темно-темно зеленый, низ темно-темно синий. Без изысков, узоров, золота или украшений. Ног, даже носков, не было видно. На голове был плат, какие носят монахини. Черного цвета.

Она оперлась на постамент, который вдруг появился у ее руки и стала внимательно разглядывать на меня. Из ее глаз исходила неземная власть, точно такая, какую я видел в глазах Юноши на Троицу. Но ее было меньше. Намного меньше. От ее взгляда стало очень тяжело, он опалял как огонь и давил как камень. Я не выдержал и от ужаса проснулся.

Смерть крестной

Она умерла в начале июля 1975 года. Не дожила тринадцать дней до восьмидесяти. Мы успели приехать и попрощаться с ней за несколько дней до ее смерти. Помню, как она поцеловала мою руку.

Умерла она в пять утра, а днем в дверь постучали. Вышла моя мама. На пороге стоит старенькая монашка в монашеском одеянии.

– У вас никто не умер сегодня?

– Умерла кока, – отвечает мама.

– А она не хотела, чтобы по ней вычитали Псалтырь? – продолжает допытываться монашка.

Мама очень удивилась.

– Она просила нас найти кого-нибудь, чтобы по ней читалась Псалтырь, но в деревне таких нет, старики все умерли.

– Хотите, я вычитаю? – с этими словами монахиня достает из-под рясы толстую старинную книгу.

– Погодите, я скажу хозяйке, – мама идет в дом и все рассказывает бабушке Катерине, сестре покойной.

Та удивляется не меньше маминого и говорит, чтобы ее пустили в дом.

Читала она полностью по Уставу и не меньше двух дней. Мама готовила ей все постное. Но дальше наступил черед расплатиться. Монашка от денег отказалась, а взамен попросила роскошное Евангелие в бархате с позолоченной застежкой. Стоило оно приличных денег.

Меня это возмутило. Псалтырь по усопшим читается бесплатно. Это милостыня. Только «православные» отморозки после вычитки Псалтыри тянут свои ручонки к чему-либо. А тут монашка-аскет с такими запросами. Но меня никто не спросил. Книгу отдали. Нательный крест коки остался лежать на подоконнике в зале, где она умерла. И точно такой же крест отвинтили у нее на могиле.

Ее так и похоронили без креста, забрав за вычитку Псалтыри дореволюционное Евангелие – смысл всей ее жизни. Стоило столько страдать за веру, чтобы вот так бесславно погубить труды всей своей жизни. Безумная Татьяна ушла на тот свет без креста и Евангелия!

Через два года умрет мой отец. Ему было тридцать шесть лет и один месяц. Дней за десять перед смертью он пришел в себя. Раскаяние было полным и бесповоротным. Он твердо решил избавиться от алкоголизма, договорился в наркологическом диспансере, собрал документы, вымылся и надел белоснежную рубашку, но внезапно почувствовал себя плохо.

– Чого ти лежиш? – на украинском спросила его моя бабка Татьяна.

– Да вот, что-то плохо. Я полежу с полчаса и пойду.

Когда моя бабка вернулась, отец был мертв. Лопнул сосуд в легком и он захлебнулся кровью. Из носа еще текла кровь. На полу возле дивана лежала моя фотография. Наверное, до Бога дошли слезы его жены, стоны его старухи-матери и молитвы моей крестной. Она ведь не только по своему хотению крестила, но и вымаливала сотни людей по синодику до последнего вздоха. За что ей самый низкий поклон.

Еще через два года мое детство кончилось. Покаяние даже перед смертью дает шанс вырваться из ада. Как это сделать, знает только Бог. Общего рецепта нет. Тело моего отца услаждалось, а затем мучилось от вина, табака и блуда. И оно же внезапно умерло, не успев очиститься скорбями, слезами и мучениями. Вместо него брошенный крест мистически возлагается на ничего не подозревающих ближних.

От того страшного ярма чужих согрешений избавиться просто так, мановением волшебной палочки, невозможно. Ни милостыня, ни колдуны, ни свет, ни тьма не освободят человека

от такой участи, пока душа умершего не выйдет из ада. Его лестница наверх слезы, утраты, несчастья, болезни и беспросветная нужда кого-либо из родных на долгие годы или, чаще всего, до конца их дней.

1979 СМЫСЛ

Первой катастрофой, перечеркнувшей мое будущее, стало внезапное обнаружение офтальмологом скрытого косоглазия, которое исподволь привело к почти полной потери зрения на левый глаз. Простое младенческое косоглазие после «тайнства» принудительного крещения осталось навсегда.

От моих надежд поступить в летное училище гражданской авиации остался пшик, пустота и боль. Мне сильно хотелось летать. Я бредил небом.

Был очень жаркий август 1979 года. Мне оставалось только валялся на диване и читать авантюрные романы Дюма-сына. Мама и бабка были на работе. Внезапно терпение мое лопнуло и я и спросил неизвестно кого: «В чем смысл? В этом диване? Бессмысленном вымысле? Бессмысленном, скотском существовании, как все живут?»

Вдруг что-то произошло со мной. Тело, мое совершенно здоровое тело, стало ныть и ломить от непонятно откуда взявшихся болей. Без каких-либо переходов я постарел лет на семьдесят. Враз, будучи тринадцатилетним! Эта абсолютная немощь наполнила меня, не давала встать, пошевелить рукой, приподнять тело, ставшее камнем. Изумленный внезапным превращением в дряхлого старика, я весь ушел внутрь себя. Мое здоровое тело подменили на разваленный сарай.

Так продолжалось не больше получаса и вдруг – все! Здоровье вернулось ко мне в один миг, а путешествие в будущее обдало меня лютым холодом. «Что это было такое?» – в ужасе спрашивал сам себя, совершенно забыв, что искал смысла жизни. И получил на него буквальный ответ: смысл жизни для меня – быть калекой. Калекой? Для чего? От смерти моего отца не прошло и двух лет. Но о нем все забыли. Все, кроме Принявшего покаяние. Иначе бы я спросил: для кого я мучаюсь?

Прошло два месяца и Бог вспомнил про меня. Приемному отцу моей мамы стало плохо. Дали телеграмму, мама помчалась на вокзал, а мы с бабкой остались вдвоем. В один из осенних ненастных вечеров, когда моя добрейшая бабуля была на работе, убирая километры коридоров строительного общежития, на меня внезапно напал жуткий, необъяснимый страх. Вначале я мужественно терпел наваждение, но страх не проходил – пришлось все рассказать приехавшей матери.

Страх тряс мою душу даже тогда, когда я пытался делать уроки. Успеваемость резко упала. Я стремительно превращался в классического троечника. Ни врачи, ни знахарки не смогли мне ничем помочь. Жизнь беззаботного тринадцатилетнего мальчишки закончилась. Вместе с детством и отрочеством. Правда, одна из вычитывавших меня старух сказала, что этот неестественный страх пройдет сам собой, без всякого лечения. И она оказалась права.

Мне и в голову тогда не приходило, что где-то там, за СССР, есть разрешенный Бог, и что в сети Промысла Божия может попасть всякая рыба. И когда я просто спросил неизвестно кого о смысле жизни, меня услышал именно Он и никто другой.

Человек, ощущая непрерывный страх, будет поневоле интуитивно искать противоядие. Я поступил именно так. Искал лекарство от тряски, потому что в этой ситуации так поступит любой. И оно нашлось.

Им стали научно-популярные книги, газеты и журналы. Только они. Я с изумлением обнаружил, что настоящая наука, попадая в мои руки, уничтожала любой страх. Так Бог направил меня в нужную Ему сторону.

Шли месяцы, годы. Я стал хроническим двоечником, а под моей подушкой лежали книги по психологии, ракетостроению, литературоведению, микробиологии, зоологии, генетике, экономике, геофизике, этике, эстетике, гинекологии, фармацевтике, средневековой истории и

высшей математике. Заглатывалось все. Любимой книгой стала трехтомная «История Франции». Том первый знал наизусть.

А в школе меня ждали двойки по алгебре и геометрии и еще пяти дисциплинам. До выпускного я доучился чудом Божьим. На второй день учебы в десятом классе узнал от приятеля, что тому не хватило учебника алгебры. Их просто не было в библиотеке. Раздался звонок на урок.

– Бери, бери, он тебе нужнее! Какие проблемы, мне и без него есть чем заняться, – произнес, отдавая на ходу бесполезный учебник.

Весь год я списывал где придется. Только за месяц до экзаменов классная обнаружила пустоту и немедленно вызвала в школу мою родительницу.

1984 Петр и Павел

Тетушка и мать, наконец, уговорили подать документы в университет – история или библиография. В июне мне сильно захотелось узнать, что ждет меня в Кишиневе. Да и как узнать, это то, что нужно? Или все напрасно? Мое? Не мое? Спросил об этом маму.

– Ты родился на Петра и Павла – спросить у них не хочешь?

– Как?

– На ночь загадай желание. Попроси их хорошенько, может, они тебе приснятся. Что скажут, то и будет.

Сказано сделано. Той ночью обычные сны закончились и я очутился на перекрестке возле плавательного бассейна «Нептун». Удивил ослепительно солнечный день и безлюдность обычно шумного места. Стою посреди перекрестка, смотрю на приземистый бассейн и жду. Машин, автобусов, троллейбусов, трамваев нет. Никого. Один.

Они словно выросли из воздуха. Двое долговязых юнцов в коротких греческих туниках и сандалиях на босу ногу и мужик лет сорока посреди них. Его туника была длинной и прикрывала ноги до икр. В остальном все тоже самое. Даже узор одинаковый на белоснежной льняной ткани. Я успел хорошо их всех рассмотреть. Мужчина был крепкого телосложения. Могучий торс, железные мышцы плеч, бычья шея. Как говорят в таких случаях, кровь с молоком. А нашему просто «качок». Спутники были худощавыми и откровенно хилыми.

Юнцы остались стоят на кромке бордюра, а «качок» подошел ко мне. Я улыбаюсь во всю. Губы сами растягиваются в улыбке. Мне весело. Вытянув свою руку, произнес:

– Погадай.

И Петр и мальчишки весело улыбнулись. Хорошо ли гадают апостолы и первые епископы Тит и Тимофей? Сейчас узнаем!

Петр взял мою маленькую ручку в свою ладонь и она утонула в ней. Я почувствовал ее тяжесть и теплоту. Это была рука живого человека, а не персонажа сновидений. Рука труженика. Он долго-долго смотрел на линии моей ладони, несколько раз согнул ее, а произнес всего ничего.

– Линия жизни сложная. Проживешь долго.

Мы еще постояли несколько секунд. От его сердца исходила такая теплота, что расставаться не хотелось. Петр вернулся к юношам. Они все вместе посмотрели на меня. Щедро улыбнулись и исчезли в один миг. А я от неожиданности проснулся. Сомнений не было. Это были люди, первыми поверившие Плотнику из Назарета. Солнечные люди небесного Иерусалима.

И уж точно православными ханжами они не были. Пойди скажи любому доброму епископу или человеческому батюшке: «Погадай»! Что тут начнется. Эти лисы вспомнят все правила апостолов и постановления всех вселенских соборов. Вопьются острыми зубами, попьют вволю кровушки, высмеют, унизят и прогонят прочь! Злоба земли и любовь неба.

Прошло полгода. В ноябре сон точно так закончился и я вновь увидел человека в тунике. Но по пояс. Он был весь словно из огня. Здоровяк за сорок, накачан как Петр. Только почти лысый. Он не улыбался. Его глаза были серьезны. Мрачноватый огонь власти искорками вспыхивал в них. И у Петра в глазах была власть, такая, какую я видел в очах Плотника, но он был веселый и по-моему, клал большим прибором на этот довесок своего спасения. Власти у апостолов было еще меньше, чем у величавой женщины.

– Тебе надо закаляться, – ответил мрачный крепыш.

И все. Утром видение пересказал матери.

– Да, это точно были Петр летом и Павел осенью.

Совет Павла запал в душу. Но как закаляться? Я был неверующим, поэтому поехал в «Олимпию» за десятикилограммовыми гантелями и эспандером. На большее ума не хватило.

Став прихожанином, узнал о так называемой «привлекающей благодати». Она открывает любые двери, исполняет почти все желания, но как только человек уверует во Христа, бесследно исчезает. Это был ее подарок.

Копание в мозгах

К девятнадцати годам страх внезапно исчез. Я совершенно справился с трагедией потери права летать и обрел смысл и цель, для которой стоило жить. Этим смыслом стало создание собственной системы моделирования ситуаций, при помощи которых можно будет легко войти в будущее и изменить его.

Я с детства болел предсказаниями. Мне все время хотелось понять, где в настоящем сокрыты рычаги будущего? Когда, наконец, закончится страх? Как просчитать миллионы связей этого ужаса с человеком и найти в будущем его конец? С годами это желание только усилилось и я взялся за игральные карты. Они очень помогли мне определиться с чистотой поиска. Но погрешности в предсказаниях по картам достигают тридцати процентов, причем в самый неподходящий момент, а мне хотелось стопроцентного результата.

Игральные карты не выпускались часами из рук, до полного опустошения. Я научился выжимать из них все, что только они могут дать. Эффект был потрясающим. Я мог за секунду, просто сдвинув колоду карт или попросив кого-либо сделать это, предсказать ближайшее будущее по одной карте и никогда не ошибался, чем однажды изумил своих сокурсников в институте.

К этому времени я вырос из штанов «факира на час». Однажды до меня дошло, что бесы просто крутят колодой карт доверчивого простофили. Хотелось большего – знать точно, что и как произойдет в ближайшие годы. Будущее растет из почвы настоящего, его корни сокрыты в прошлом. Работа с картами убедила меня в реальности рычагов управления будущим. Осталось только хорошенько их поискать.

В 1985 я видел земной шар как гигантское поле войны менталитетов Азии, Европы и Америки. С заранее известным победителем – Дальним Востоком. Именно там формировался центр мира.

Наступит момент, когда эпоха вседозволенности политиков в манипулировании общественным сознанием приведет человечество к утрате контроля за ситуацией. Менталитет переродится в вирус, мир станет непредсказуемым (линия 2025–2029 годов), а тот, кто по особенностям религиозного мышления научится разгадывать замыслы противника, будет управлять миром.

Бросив карты, я занялся рассмотрением открытых систем с готовым набором информации. В отыскании оптимума мне помогла психология. Годами, утопая в страхе, я глотал одну за другой книги А. Р. Лурии, Л. С. Выготского, В. Л. Леви, Ж. В. Ф. Пиаже, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и многих других. С ними засыпал, с ними просыпался.

Этих обманщиков и фокусников, морочащих головы окружающим, не хотелось оставлять даже на час. Меня завораживало их умение хорошо жить за счет создания мнимых болезней и фобий, которыми и кормится родная сестренка психологии – все еще полностью советская психиатрия.

Далеко ходить не пришлось. Все будущее человечества уместается в его мозге, а точнее, в его продукте —общечеловеческом менталитете. Именно образ мышления определяет те или иные поступки индивида, нации, человечества в целом. Мы одинаковы, иначе бы войны, подобные войнам человека с неандертальцем, давно уничтожили нас.

Было бы абсурдом копать в мозгах французов или японцев. Я в жизни не видел ни одного иностранца. Вокруг были русские. Ими я и занялся.

Чтобы досконально изучить менталитет своего народа, необходимо было найти его дно. Именно там заложено различие человеческого поведения и его сходство (та же операционная система), что и создает разнообразие наций и народов.

Общие правила были найдены быстро. На 90% менталитет определяется подвижными платами (мотивированное поведение личности). И только 10% неподвижными, базовыми, оно же дно: передача культового поведения, традиционное воспитание в полных семьях – сказки няньки Пушкина Арины Родионовны оттуда. Платы напичканы до предела усвоенными на уровне рефлексов правилами поведения, клише, лекалами, подсказками, которые формируются под влиянием социальных вызовов.

Подвижные платы надежно скрывают дно или неподвижную часть менталитета – стержень духа, психическое здоровье и уровень нравственности любого народа. Только оттуда исходит принятие окончательного решения личностью. Фрейд называл эту область подсознанием, но это девятнадцатый век. Война за менталитет тогда еще не началась. Можно было лечить психоанализом мозги обкуренных аристократов, что тогда принималось на ура.

Из чего состоят платы? Из определенных команд поведения, клишированных для всех участников группы, причем это клише зачастую так же рефлексивно и необъяснимо для субъекта. «Все так делают, а раз все, то и я», – не задумываясь, ответят почти все.

Вот неподвижная часть менталитета, причем самая древняя, состоящая из религиозных плат (основа, базис поведения личности) попала в поле зрения моего внимания. Спустя семь лет после начала исследований, все, что я смог отыскать и на основе этого выстраивать прогноз, уместилось на восьми листиках пожелтевшей бумаги. Это была голая соль. Уже после университета родилась небольшая учебная записка «Об основах российской ментальности».²

Я был далеко не единственным, кто ломал голову над подобными химерами. Первым в СССР точно так «придумал» прогнозирование академик «сердца № 1» Амосов Н. М (1913–2002). И две его работы по прогнозам политических ситуаций тут же засекретили в восемьдесят пятом. Я успел найти и прочитать разгромную критику по тем двум статьям и таким образом восстановить все содержание статей. Он шел по тому же пути. В начале девяностых академик чуть не погиб. Попытка самоубийства. Неофициально – давление российских спецслужб. Амосов не захотел делиться своими трудами с русскими спецслужбами.

Во всем этом не было ничего странного. С 1958 года хирург работал в Институте кибернетики Академии наук УССР. Главные направления поиска Николая Михайловича.

- Регулирующие системы организма – от химии крови, через эндокринную и нервную системы к коре мозга.
- Механизмы разума и искусственный интеллект.
- Психология и модели личности.
- Социология и модели общества.
- Глобальные проблемы человечества.

Бог был ко мне милостив. О том, что я делаю, не знал никто до 1991 года. Шли годы изучения загадок человеческого менталитета. Постепенно они превращались в инструменты поиска будущего.

² Свои четыре копии этой рукописи я сжег в 1999 году, когда Система заработала в США 11 августа (Израильский филиал). Пятой, единственной на сегодня копией, владеет или владела ФСБ России, поскольку в 1993 году один экземпляр разработки отправил именно им и получил благодарственное письмо, но и его сжег (примечание автора).

1988

Проучившись год в педагогическом институте им. Иона Крянге я был призван в Советскую армию. Шла афганская война, во многих институтах были упразднены военные кафедры. В армию брали всех. Два года я отслужил в Подмосковье.

Летом 1987-го, возвращаясь из урезанного начальством отпуска (те не дали и двух суток на дорогу), завез своему брату связку азовской тарани. Он помог через своего друга, Бориса Борисовича Валуйчикова, долететь до Донецка. Впервые в жизни рассматриваю узенькую полоску бумаги со штампом по всей длине: «Без права спроса и очереди». Моя родня жила в Москве во многом благодаря этому человеку. Ему не составило особого труда пристроить после флотской службы в кремлевскую милицию своего земляка.

С осени восемьдесят седьмого я стал часто бывать у них в гостях. Однажды за столом мне рассказали историю Бориса Борисовича. Тот служил на высоких должностях в московском Кремле в звании полковника КГБ. В шестидесятые его патрон пристроил молодого солдата в полк КГБ. Дальше была Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Имя благодетеля Бориса никто не называл.

И только спустя много лет, набрав в поисковике «известные люди Фряново» получил все его данные. А. Д. Бесчастнов (1913–1998) – генерал-лейтенант, начальник 7-го управления КГБ СССР (1974–1981), один из основателей группы «А» («Альфа»). Имя А. Д. Бесчастнова присвоено средней школе № 2 Фряново.³ Начинать помощником пекаря в голодные двадцатые, закончил асом разведки в восьмидесятые.

Мать Бориса была медсестрой в годы ВОВ. Ее уволили в запас из-за беременности. От кого родился мальчик, женщина не говорила. В конце войны ей пришлось вернуться в родное Фряново, где в церкви служила церковной старостой ее мать. В те дни они буквально бедствовали и голодную женщину приютили мои дядя и тетя. Они помогали ей в первые годы после войны. Его мать в старости сильно пила.

Брат пригласил его в гости, когда я демобилизовался. Он рассказал ему о моем желании служить в КГБ и чем я хотел заниматься. В июне 1988 мы встретились в хрущевке брата. Мясистый нос, водянистые глаза голубого цвета, бородавка и двойной подбородок, высокий рост и распиравший ребра пивной живот. Бесцветный, в общем-то, мужик за сорок. Выглядел он старше своих лет и хорошо вписывался в требования своей конторы – не привлекать к себе внимания.

Но это только до тех пор, пока с ним не разговоришься. Тем для бесед у него было великое множество.

Кто куда сбежал? Гордиевский и иуда-компани. Из всех перебежчиков Борис выделял именно его. По списку предателя были выведены из игры сотни советских разведчиков. Урон исчислялся миллиардами долларов. Борис был одним из немногих, кто знал истинную цену этого предателя.⁴

Как «мстили» за это английским дипломатам? Их обирали без зазрения совести чекисты, коллеги Бориса, на таможенных постах Внуково и Шереметьево. Мы пили настоящий Earl Grey tea от Twinning's в желтых жестяных коробках и смеялись над английскими лохами. Чай англичан никак не мог пройти фитосанитарный контроль.

³ Фряновской школе присвоено имя генерала Бесчастнова. 30 мая 2012. Сайт группы «Альфа». URL: http://www.alphagroup.ru/press-service/news_association/5192 Просмотрено 2 июня 2017.

⁴ Гордиевский Олег Антонович (10 октября 1938 года по настоящее время) – бывший полковник внешней разведки КГБ СССР. Приговорен в 1985 году заочно к расстрелу за измену Родине. Приговор не отменен. Завербован МИ-6 в 1974 году. Псевдоним Ovation (с англ. овации).

Сколько долларов могла свободно запихать в женский интимный орган выезжавшая за рубеж советская гражданка? Цифирь по тем временам астрономическая. Хотя сейчас это не деньги – пятьдесят тысяч. Лейтенанту и женщине-дознавателю дали по звездочке и копеечные премии в тридцать рублей.

Чем угощал солощий Юрий Владимирович Андропов? Не разбежишься: чай «Бод-рость», карамель и хрустящие хлебцы. Борис во всем подражал патрону и угощал именно так. Чефир (крепкий чай), хлебцы, карамель. От того чефира на пустой желудок у меня были жуткие рези. А ел он в Кремле. Бутерброд с черной икрой стоил две копейки.

– На рубль никогда не набирал. Нельзя. Лопнешь, – делился секретами общепита Кремля веселый полковник.

Чем занималось КГБ за сорок восемь часов до начала бузы «папенькиных сыночков» в Алма-Ате? Борис рассказывал, их высадило два самолета с интервалом в два часа. В первые сутки задержанных было сотни. На вторые еще больше. Дети местных баев, начальников складов, рынков, заводов и партийной элиты. И ни одного из семей рабочих, учителей, строителей.

– Мы успели вовремя, – сказал Б.Б.

Сумгаит. – А почему проворонили Сумгаит? – по горячему спрашиваю собеседника.

– Они просили перевести весь контроль за республикой на местное КГБ.

– Клянемся, контроль не потеряем, – твердили чекисты из Баку. Ворковали, умоляли, зубы заговаривали. Из кожи вон лезли больше двух лет. «Ласковым» и «преданным» персам поверили на слово. Свои в доску. Ровно через год началась резня в Сумгаите, затем Карабах.

Лубянку развели, как тех дурех из Нахабино, что насиловали в моей роте азера, подумал я. Разница только в том, что чекисты поверили через два года, а простушки через два-три месяца. Кинутые сыновья и дочери русского народа.

Почему перед ним на коленках ползал Иосиф Кобзон? Певец написал заявление в Совет Министров СССР: его изводят и не дают жить антисемиты. Слова Б.Б.В.:

– Рыл три месяца. Нигде и ничего.

От той истории 1981 года у Бориса осталось перекошенное лицо и пачка визиток певца, отпечатанных в Англии на березовой коре.

– Хочешь? Возьми, сколько надо, – предложил мне полковник.

Я отказался. Такое чувство, что держал в руках грязь. Спустя двадцать лет прочту в Ахметовской «Сегодня» жалобы жены Иосифа Кобзона: нет житья, замучили «недоброжелатели» народного артиста. Обострение. Без фобий нет звезд. А теперь и самой звезды советской эстрады.

Почему Совету Министров СССР пришлось хоронить за казенный счет художника Васильева? Из-за крайней нищеты народного художника РСФСР. Дома перед смертью осталось три рубля. Вдова сама пришла к Борису. И он помог. За это благодарная женщина подарила ему одну из картин мужа. Он ее очень любил и повесил над тахтой, где спал. Берег реки Волги. Мне она не нравилась.

Только потом узнал, чем был славен этот мастер. Он писал портреты вождей и работал над почтовыми марками СССР и многих других стран. Пейзажист из него был никудышный.⁵ Хотя, если повесить ту картину в зале, она бы выглядела бы совсем иначе.

Чем болела и отчего умерла первая жена Ильи Глазунова?⁶ Наркотики. Спасти не удалось. Меня он обещал повести к мастеру в гости. Мастерская на Старом Арбате. Но свое

⁵ Петр Васильевич Васильев (1899–1975) – русский советский [художник](#). [Народный художник РСФСР](#) (1970). Лауреат [Сталинской премии](#) первой степени (1947).

⁶ [Нина Александровна Виноградова-Бенуа](#) (1933–24 мая 1986). Официальная причина смерти – самоубийство. Но Борис Борисович сказал главное: «Она была наркоманкой. Глазунов мучился с ней всю жизнь».

слово так и не сдержал. Борис вообще легко всем все обещал и со временем я перестал ему верить.

– Старина, квартиру завещаю тебе! – внимательно смотря мне в глаза, в очередной раз говорит мне полковник.

– Ой, не надо, не надо, Борис Борисович! Квартиру не надо, завещайте мне немецкие альбомы живописи, им цены нет, каждый рублем двести стоит, – в такт его предложению отвечаю ему.

И добавляю:

– И рыцаря, что вы купили в Кишиневе. Мне он будет напоминать о вас.

А про себя; «Ведь вы точно не рыцарь, но может, хотели им стать? Иначе как эта образина за 89 советских рублей очутилась в вашей квартире с бутылкой и сигаретами внутри?»

Тот удивляется (его московская квартира мне не нужна, вот те раз) и тут же обещает; все альбомы после его смерти будут мои.

– Мои? – удивляюсь и киваю ему в такт.

И уже про себя: «Но только если ты их не пропьешь, дорогой Борис Борисыч». И поднимаю очередную резную рюмку с дешевым пойлом из яшмы Кабульской фабрики № 1.

Как и отчего умер Морис Лиэпа? От остановки сердца. Тот приехал в Москву выбирать деньги на детскую балетную школу в Риге. Умер прямо на улице. Его привезли в Спец-трамву.⁷ Дети были на гастролях. Им дали срочные телеграммы. Сын был в США. Дочь в Европе. Но никто из них не захотел приехать, тем более первая жена. Отец и муж давным-давно ушел из семьи. За ту неделю, пока труп валялся в морге Спецтрамвы, его разрисовали зеленой и расписали нецензурной бранью. Над Лиэпой поиздевались всласть. Как над коронованным бомжом. Знай наших! За что, не знаю. Это подлинные факты. Мой брат одно время работал там, его бывшие сослуживцы все ему и рассказали.

Хоть и отрывочная, в шуточной форме преподнесенная информация из первых рук, для обычных советских граждан была недоступна, невозможна и за пределами в те уже былинные времена.

За первый год знакомства с ним я привык ко всевозможного рода историям в цитатах, картинках и биографиях. Б.Б.В. подарил мне книжку, купленную в кремлевском книжном ларьке. Н. Решетовская. В споре со временем. Издательство Агентства печати Новости. 1975 год. Цена – 41 копейка.

Забавная оказалась книга – без указания редактора, сдачи в набор, объема печатных листов, тиража. Да и зачем указывать редактора, когда им оказался новый муж Решетовской (предыдущим был писатель Солженицын). Борис считал нобелевского лауреата законченным подонком. Он знал о нем такое, чем не знала его первая жена. Но мне не обмолвился и словом о материалах его личного дела.

– Прочти! Поймешь все сам, – устало сказал он, протягивая брошюру.

Прочитал. Итоги развода двух половинок как две капли воды оказались схожими, только судьбы разные. Бывший муж-диссидент настрогал трех сыновей с новой разведенной женой. Плюс ее сын от первого брака. Решетовская ни в чем не уступила Солженицыну: три законных и один гражданский брак. Кровь кубанских и донских казаков.

Полковник с вниманием отнесся к моему желанию служить в КГБ и спросил, чем я занимаюсь сейчас. Ответил.

– Надо доучиться. После все станет ясно, – ответил тот.

Но этим планам не суждено было сбыться.

⁷ В Москве существовало несколько специальных травматических отделений. И только одно предназначалось для элиты без кавычек. В нее свозили паяных генералов, обкуранных актрис и отдыхавших на улице прокуроров (примечание автора).

1989

СССР по-прежнему спал мертвым сном. Первого августа восемьдесят девятого года я отвезил свою тетушку с племянницей в аэропорт города Донецка. Объявили регистрацию и посадку на Кишинев, у тети багаж не поднять плюс ребенок двух лет.

– Я помогу, – беру дитя на руки, сумку и иду без билета через металлоискатель, по пути объясняя беспечному менту, что только до автобуса.

У трапа стюардесса даже не подумала проверить мой билет. Наталья тихо спала. Я нашел место и дождался тетушку с билетом. Мы еще вели предполетный разговор ни о чем, а трап уже откатали.

Прощаюсь, иду на выход.

– Мы взлетаем, – испуганно смотрит на меня бортпроводница.

– Без меня, – отвечаю ей.

Только тут до нее доходит:

– Где ваш билет?

– У меня его нет. Счастливого пути.

Прыгаю на асфальт и иду в аэровокзал. Сейчас от той взлетной полосы осталась съемочная площадка Сталинградской битвы.

Спустя двадцать девять дней мне самому пришлось лететь в Кишинев. Проводить меня пришли очень хорошие знакомые, бывшие соседи, Николай и Лидия. У них не было общих детей и они относились ко мне, как к сыну. Я охотно им подыгрывал и когда мог, помогал тряпками и книгами, которые невозможно было купить в Мариуполе.

Я еще удивился тогда, услышав, что Николай очень хочет меня видеть. Он пришел с «подарком», который и отдал мне на прощание.

– Сейчас ты на высоте. Везунчик. Удача сопутствует тебе. Все идет в руки. Молодость, здоровье, красота. Но так будет не всегда. Однажды все закончится.

Сделав паузу, он продолжил.

– Запомни эти слова на всю свою оставшуюся жизнь. Пройдет два-три года и от твоего счастья не останется и следа. Все пойдет прахом. Ты останешься без денег, связей, знакомств. Друзья, а следом за ними и родня постепенно отвернутся от тебя. Каждый новый год будет вдвое хуже предыдущего в два раза и ничего, кроме новых бед, он не принесет. Постепенно тебя начнут ненавидеть даже те, кто был тебе обязан. А самый страшный год в твоей жизни 1992-й. Если ты в том году не повесишься, то выдержишь и все остальное.

Это было как снег на голову. Поэтому не могло не запомниться. Поглядел на предсказателя и, поднимая сумки, ответил.

– Спасибо, что сказали. Поживем – увидим.

Одно мне стало ясно: если моя жизнь превратится по какой-либо причине в кошмар, другие не должны страдать вместе со мной. Поэтому я никогда не был женат и не имел детей. За что и был ненавидим прекрасным полом.

1991 День рождения

Моя приемная мама, Эрика, немка по национальности, организовала мне вызов из ФРГ и помогла перевести и заполнить документы для получения заграничного паспорта. Осталось только получить визу в Киеве или Москве. Я выбрал Москву.

Лето девяносто первого отметилось пустыми прилавками, талонами на все и дикой вонью в московском метро. Говорили, что этодохнут огромные метрополитеновские крысы. Но июнь девяносто первого не радовал, а просто убивал москвичей запредельной жарой: были дни, когда в тени наружные термометры обычных московских квартир показывали + 340 С.

Вместе со всеми я удивлялся отсутствию прохлады даже ночью и получал солнечные ожоги, стоя в посольской очереди за безнадежно далекой визой в Германию.

Однажды вечером в метро я увидел сцену, которая стала недостающим звеном в моих поисках. Я ждал поезда, как вдруг меня обступили шумные и пьяные московские проводы в армию. Седой дедок, порядком подвыпив, вдруг перестал играть на гармошке, сел на скамейку и заплакал.

– Как плохо, что у русских нет царя, – склонившись к гармонии, застонал дед. – Мы так и пропадем без него. Не будет нам удачи, пока царя не будет.

Меня как током ударило. «Так вот в чем дело – народ просит царя. Царя так царя. Получите», – садясь в поезд, подумал я.

К 1991 году система прогноза была создана в черновом варианте. Что будет, если применить ее на практике, я не знал. Это была чистой воды научная гипотеза без рук и ног. Привести всю эту махину логических построений в действие мог только административно-управленческий аппарат страны. На свой страх и риск. У меня такой власти не было. О последствиях, которые могут раздавить или сбить с ног, мне было неизвестно.

Тогда я чувствовал себя героем, умником и поэтому решил привести ее в действие. Только один раз и посмотреть, что из этого выйдет? Поскольку мне всегда нравились боевики, назвал ее «action». С английского «действие», «поступок». С ее помощью можно было проследить за действиями любого человека в любой точке мира, зная всего две вещи – его национальную принадлежность по родителям и среду, в которой он был воспитан. Именно они оставляют следы в пространстве и во времени.

Американцы шли тем же путем, но еще с большей конкретикой. Их система прогнозирования и контроля к 1990 году была готова не больше, чем на 20 процентов. К 1999 году они вышли на финишную прямую. Их система заработала 11 августа 1999 года. Что она представляет из себя сейчас, отдельная тема.

Мне оставалось только найти человека, который согласится воплотить мои расчеты в реальность гибнущей страны.

Из-за жуткого наплыва «туристов» визирование перенесли на осень, выдав талончик на 20 сентября. У меня уже был куплен билет до Карлсруэ, пришлось искать, кому его продать. Из-за этого свой двадцать пятый день рождения я встречал в первопрестольной, в только что полученной братом новой квартире. Милиционер, всю жизнь проживший в районе первых хрущевок, согласился быть участковым и за год получил двухкомнатную квартиру. Поздравить меня обещал Борис Борисович. Он неожиданно для всех приехал раньше назначенного. Брат успел шепнуть.

– Развлекай гостя. Стол мы накроем сами.

– Борис Борисович! Приказали Вас развлекать.

– Пойдем, старина, на кухню.

– Да там жарко. Духовка, гренки, сэндвичи. Ужас на шести квадратах.

– Ничего, не будем им мешать.

Дородный Борис садится на табуретку возле окна. На улице +300. Время пить «Herschi Cola». О чем я и говорю словами телерекламы высокому гостю.

– Эти твари продали все американцам. Рекламу оплатили на год вперед. Ваших боссов купили с потрохами, Борис Борисович.

– Ну, студент, пока это просто маневры.

– Маневры? А запах гнили в метро? А мафия? Им все можно. Это тоже маневры?

Борис Борисович молчит. Он не смотрит на меня.

– Ты же знаешь, мы не можем предлагать. У нас нет права инициативы. Хватит двух суток, чтобы ребятки закрыли. Нужен приказ. На них все открыто. А собрали еще шесть лет назад. Никого не пропустили.

Ровно через двадцать лет я прочту эту же фразу в московских «Аргументах недели» в Донецке. Она подавалась как ОТКРОВЕНИЕ № 1 – лохам кинули обглоданную кость. Тогда, в 1991 году, коллеги кремлевского офицера пониже рангом молчали как рыбы.

Слово за слово и вот уже московская кухня начинает использоваться по своему прямому назначению. Готовить москвичи все равно не умеют, не любят и не хотят.

– Борис Борисович! – не выдержав, подвожу полковника к главному. – «Е.Б.Н.» никудышный президент. Нужно искать ему замену. Сейчас и немедленно. Он должен быть найден, подготовлен за пять лет и пройти на выборах 1996 года. Иначе эту страну ждет крах. Если эта пьянь останется на второй срок, банкротство неизбежно уже в 1997 году.⁸ Это неудачный президент.

Б.Б. от неожиданности замер. Его как паралич разбил.

Еще был СССР, съезды КПСС, Горбачев, звезды и Ленин на банкнотах, а собеседник кремлевского гостя этими категориями не мыслил. Не мыслил, поскольку эти понятия остались только на бумаге. Исход был предрешен.

Это привело Б.Б. в полное смятение и замешательство. Я сказал прямо в глаза то, что кремлевские сидельцы боялись произнести вслух. Останется Россия, СССР не будет. А значит, его место в Кремле займет кто-то другой. Пережив состояние краха в 1989 году, решил ему помочь.

– Ищите этого человека в своем управлении. Можно и во внешней разведке КГБ. Главное условие: это должен быть способный, грамотный офицер КГБ не старше сорока пяти и не моложе сорока (плюс минус год). Он должен обладать следующими качествами:

- высшее юридическое образование (обычный евро-минимум политика);
- обязательное свободное владение одним из европейских языков (быстрая адаптация к требованиям общения);
- семьянин, женатый первым браком (начальный этап проверки психики);
- наличие полной семьи – двое детей оптимальный вариант – пол и возраст значения не имеют (средний этап проверки психики);
- стабильное отсутствие вредных привычек (завершающий этап проверки психики, «анти-Ельцин» в пьющей стране);
- здоровье;
- спортсмен со стажем – желательно мастер спорта (создаем спортивную общность – поддержка миллионов);
- интеллект – умение принимать молниеносные решения;

⁸ Это была импровизация, не связанная с многолетними расчетами. Импровизации почти всегда приводят к ошибкам. Россия объявила дефолт 17 августа 1998 года. Из-за нее я больше никогда не прикасался к современной истории. Если ты ошибся один раз, то можно ошибиться и в другой. С 1993 года окончательно вернулся к проблеме возникновения тотемизма. Ошибки поиска в прошлом видны отчетливее. Их можно увидеть, проанализировать, исправить или избежать. Прошлое изменить невозможно (примечание автора).

- язык должен быть подвешен лучше, чем у Горбачева, он должен уметь говорить (риторика – хлеб политика);

- и, наконец, последнее требование – этот человек должен уметь молчать даже тогда, когда говорит без остановки.

– Если вы сможете найти такого, его можно поставить на один, максимум два срока. Он не допустит полного распада. Но дальше человек с такими параметрами не подойдет. Нужно будет искать ему замену под ситуацию выборов 2006. Для этого нужны совсем другие расчеты. Я к этому не готов.

И повторил ему:

– Этот человек должен стать президентом в 1996-м и не больше двух сроков.

На Б.Б. лица не было. Наконец, он произнес.

– Мы думали об этом, но не так отчетливо. Старина, ты просто поразил меня. У тебя те же мысли, что и у нас. Мне и в голову не могло прийти, чем занимается историк на каникулах.

В выпуклых глазах чекиста сиял восторг. Неожиданно тот получил ответ на вопрос, которым года три болело ЦК, Совет Министров и Лубянка. От пьяного Бориса у всех кругом шла голова.

Довольный, я рассмеялся, но тут же дернулся к плите. Из нее повалил густой дым. Вторая партия гренок была запорота.

– Светка убьет меня, опять гренки сжег, придется все заново кромсать.

Но нас уже звали к столу. В этот вечер Б.Б. был необычно весел и оживлен. Гренки будущего президента России пришили ему по душе. Забыв про осторожность, Б.Б. выложил последнюю подтвержденную новость – полковнику Ридигеру дали генерала. Бартер в натуре. Хоть плач, хоть смейся.

Он с оживлением рассказывал очередную хохму, шуток о которой уже пополз по златоглавой. Если бы не личность, о которой шла речь, и не девяносто первый, а хотя бы девяносто третий год, когда отношение к этим людям поменялось в корне, то ни я, ни мой брат, ни близкие друзья Б.Б. ничего бы не узнали. Но и на пророка бывает проруха. Подвел советский менталитет и пренебрежительное отношение к «разведке в рясах» – священникам и епископам, служивших по вербовке в КГБ.

Невольно, в июне 1991 года, он стал одним из главных участников «поповской» интриги, которая тогда многим испортила настроение.

Не знаю, как в ФСБ России, а в Комитете времен Ю. В. Андропова существовала традиция – новоиспеченному генералу его полковники-сослуживцы скидывались по червонцу и в знаменитом своей дешевизной спецателье шили парадный мундир. Затем сабантуй.

К слову сказать, этот человек за четыре года знакомства со мной не выболтал и молекулы служебной информации, хотя говорить мог часами. В последнюю нашу встречу, 17 октября 1992 года, он жаловался мне со слезами на глазах, что замучили американцы – предлагают 200 тысяч долларов за «мемуары о Кремле».

Мы все прекрасно понимали, что это значит, и какие последствия свалятся на голову Б.Б. в случае его отказа или согласия. Уж чего-чего, а подлости янки не занимать. Но к счастью для моего необычного знакомца, он был уже в метре от пенсии, и плевать ему было на «злые происки врага».

Вся интрига закрутилась вокруг шестидесятидвухлетнего полковника КГБ (разведчиков на пенсии не бывает) Ридигера Алексея Михайловича. В мае 1991 года ему было присвоено очередное воинское звание «генерал-майор».

Никто, конечно, не поверил. За долгое время «мирного сосуществования» РПЦ МП и призванных их контролировать денно и ночью органов государственной безопасности не было ни одного патриарха или имеющего вес митрополита, получившего такое звание. «Соглядатаи в рясах» носили офицерские мундиры. Как внук крещеной еврейки, граф шведских кровей,

полковник КГБ, патриарх Алексей II был первым и последним в СССР из лиц духовного звания, получившего генеральские погоны. Получил он это повышение от Горбачева, первого и последнего президента СССР. Последний первому.

Но тогда, в 1991, сомнения подкрались и заели благородные и неподкупные сердца рыцарей «плаща и кинжала». Большинство откровенно считало, что ему и полковника многовато будет, а тут генерала! Давило и то, что какому-то «попу» с темным прошлым (помогал отцу в служении бойцам дивизии Вермахта «Руссланд») и непонятным настоящим, приходится скидываться по десятке.

Надо было видеть кадры Лубянки – скарденность и прижимистость была врожденной отметиной подавляющей массы «людей в штатском». Ситуация накалялась, узнать все толком было не у кого, и тогда послали за Б.Б.

– А почему за Вами, Борис Борисович? – спросил, удивляясь такому повороту дела.

– А из-за Протокола,⁹ – улыбнувшись, сказал мне Б.Б.

Что-то смутно помнилось из курса государственного права, что где-то этот самый Протокол действительно был, и в него чего-то вносилось и записывалось по будним дням. Но никак не мог понять, причем здесь мой собеседник?

– А при том, что к Протоколу прилагается очень узкий список допущенных к нему лиц. Никого из тех, кому пришлось скидываться на мундир, в списке небожителей Кремля быть не могло. Поэтому и послали за мной, проверить, правда ли это, – пояснил Б.Б.

Тут я вспомнил, что Б.Б. помимо кремлевской должности имел еще одно скромное креслице в Совете Министров СССР. Хорошая такая должность по работе с лицами культуры первой величины, иначе говоря, звездами эстрады, театра и кино вкупе со всей остальной требухой. Вот эта хлопотливая обязанность время от времени появляться в Совете Министров и давала ему право изредка шелестеть листами красного Протокола, куда заносились все производства за подписью «Горбачев».

Вопросительно смотрю: «Неужели это правда? Мы докатились до такого маразма, что простым клеркам в рясах суем с барского плеча генеральские погоны?»

Наши взгляды встретились, я получил утвердительный ответ.

– Производство за май месяц. Подпись: «Горбачев».

Не выдержав, смачно выругался прямо за праздничным столом. В ответ офицер рассмеялся и сказал.

– Я ведь тоже пострадал. Заставили и меня давать десятку, мол, полковник и в Кремле, мать его так, настоящий полковник, значит, обязан в трудную минуту поддержать товарищей.

Настроение мое испортилось до невозможности. Чтобы развеселить чествуемого, выдавший виды чекист, внимательно глядя мне в глаза, продолжил.

– Традиция есть традиция, от нее никуда не денешься – пошили ему мундир. Рост, размер, вес, все это есть в личном деле. Ребята вызвались охочие до этого, взяли парадку и поехали к нему в Чистый переулок, пять.

На мгновение я представил, как служебная «Волга» везет трех офицеров безопасности от всей широкой русской души поздравить коллегу и рассмеялся.

Забыв печали, рука сама потянулась к бутылке и, чокнувшись с Б.Б., уже с интересом спросил.

– И че дальше?

– А че, а че, – передразнил меня мой собеседник.

Но, встретившись с моими глазами, продолжил.

⁹ Протокол производства в должность Президента СССР. Большая книга красного цвета. Хранилась в Приемной Совета Министров СССР. Но на сегодня под Протоколом понимается несколько иное – правила поведения высших должностных лиц государства во время проведения официальных государственных церемоний (примечание автора).

– Приехали к нему в приемную. Проходят и говорят его секретарям: Где генерал-майор Ридигер? А у тех болты на лоб полезли, отродясь такого о своем шефе не слыхали. Побелели, забегали глазками, говорят нашим: Вы не туда попали. Это недоразумение. Вы ошиблись.

– Туда, туда, все проверено, путь хозяин выставляет, сегодня его день, он виновник торжества, – и кладут прямо на стол генеральский мундир.

Оставляя финал на потом, Борис предложил:

– Ну что, еще по маленькой? За именинника?

– Нетушки, чем все кончилось?

– Чем? – смеясь одними глазами и мельком поглядев на бутылку, Б.Б. продолжил.

– Да тех как пыльным мешком по голове хватили. Наши требуют генерала и водки, дело серьезное, обмывать пора, но те вдруг опомнились, давай гнать их в шею и выперли вон из приемной, – закончил свой рассказ довольный чекист.

Провожал до метро своего гостя один. У офицера Кремля за душой не было ничего, кроме полуторки в центре Москвы и домика матери в Подмоскowie. Да и ту ему дал Совет Министров СССР вопреки жадности его конторы. Брат прямо из-за стола ушел на ночное дежурство, Света принялась за посуду. Очень скоро я забуду о своем московском дне рождения, рецепте поиска нового хозяина Кремля. Вспомню, когда на носу будут вторые президентские выборы 1996 года.

Кандидата с московской кухни там не было. Соперником Ельцина ожидаемо стал Зюганов. И проиграл. Впереди был крах. «Они или не нашли его, или не успели подготовить, или прибили. Кому нужен лишний рот. Своим мест кормиться не хватает, а тут какой-то офицер из бывшего КГБ, – думал, глядя на пьяного Ельцина, пытающегося потанцевать с красоткой на сцене – тому и море по колено».

Человек, найденный в глубинах бывшего пятого управления, появится в конце правления «первого Президента России». Питерский выдвиженец станет стремительно расти, занимая одну должность за другой. Пока всем не станет ясно – это приемник вчерашнего тарана.

Тем поздним вечером Б.Б.В. выдаст конторе мой рецепт за свой собственный. Дома у полковника стояла правительственная вертушка. Самая что ни на есть настоящая. Двадцатого августа 1991 года, в разгар путча, подполковник КГБ Путин В. В. неожиданно для всех подает рапорт об отставке (с мая девяностого числился в резерве). Инструкции натурализации нашли его за месяц. Он подошел по всем моим пунктам и у его был безукоризненный послужной список. Рецепт, озвученный на московской кухне, вручили внуку сталинского повара.

«Новая версия Путина» обескураживает. За 15 лет мы успели привыкнуть к его исполнинским размерам, привыкли, что его широченная спина загораживает солнце. Между тем эта метаморфоза случилась с Путиным уже в президентском кресле. И то не сразу. А в своей «базовой комплектации» это довольно заурядный клерк, волею случая оказавшийся там, где ему не место. Попробуйте непредвзято взглянуть на его интеллектуальный уровень, кругозор, политический опыт. Вам не кажется, что Путин, каким мы его знаем, не мог, например, самостоятельно вести игру вокруг Сирии? Это просто не его уровень. Зато бывшему главе МИД, который прославился разворотом над Атлантикой и крепкой мужской дружбой с Саддамом Хусейном, это как раз по плечу». Владимир Голышев – публицист и драматург.¹⁰ Запоздалые прозрения пишущей братии.

Московский день рождения открыл настежь двери бездны, из которой повеяло ледяным холодом смерти.

¹⁰ Голышев Владимир. Кого хороним? Сайт радио Свобода 27 июня 2015. URL : <https://www.svoboda.org/a/27096471.html>
– Просмотрено 6 июля 2017.

Двадцать второго августа, на третий день после того, как никому не известный подполковник подал в отставку, у моей гражданской жены случился выкидыш. Когда она получила ответ из гистологической лаборатории, мои волосы поднялись дыбом.

– Вышел врач и говорит мне: то, что вы принесли, остатки плода зародыша возрастом в два месяца. Девочка. Но мы такого в лаборатории никогда не видели. Ребенка разрезали на абсолютно одинаковые прямоугольные кусочки, каждый размером в один миллиметр, причем в земных условиях сделать это так гладко и виртуозно невозможно. Нет скальпелей для подобных манипуляций, – рассказывала мне по телефону плачущая жена.

Больше ни жены, ни детей у меня не было. Инерция движения колеса фортуны делала последние обороты. Мне и в голову не приходило связать выкидыш жены с собственной инициативой на моем дне рождения. Вскоре после этого моя совершенно здоровая бабушка заболевает болезнью, о которой в нашем роду никто и не слыхивал – миеломой или раком крови, которая и утащит ее в могилу.

Мой друг, выложивший в Кремле эту 100 % авантюру от своего имени, трагически уйдет из жизни в 1999 году. Ему было всего пятьдесят пять (на самом деле он сорок четвертого года рождения, в метрике ему на год меньше). На пике карьеры трижды отказывался от звания «генерал-майор КГБ». Ушел из жизни в тот момент, когда решалась судьба России. Ельцин уходит в отставку и назначает приемника.

Бобков взял на себя продвижение плана, доверяя Борису и ничего не зная о конкретном источнике. Образ студента пятого курса был несовместим с глубиной устного сообщения Валуйчикова. Думаю, он упал бы со стула, если бы узнал, кто стоит за всем этим. Никакого Путина В. В., Президента Российской Федерации не было бы и в помине. Спустя восемь лет он назовет приемнику Ельцина имя этого офицера. Вскоре Валуйчикова найдут повешенным в своей собственной квартире на Большой Спасской. Говорили, в последнее время он сильно пил. За год до этого умрет покровитель Бориса генерал-лейтенант Бесчастнов. Родился во Фрянове, начинал трудовую деятельность пекарем.

Об этом человеке, открывшему дорогу в Кремль подполковнику Путину, не пишут, не говорят в прямом эфире, не проводят дней памяти, не крутят по ОРТ кадры правительственной кинохроники с его участием. Нет ни одного упоминания в Интернете об этом первоклассном разведчике и патриоте своей Родины, кроме заблокированного в России сайта «найти по номеру».¹¹

Спустя девять лет после моего дня рождения в Москве власть над огромной страной перешла к офицеру, которого приняли на ура почти все. Придя на все готовое, он легко стал лидером огромной страны, не ударив для этого и пальцем об палец. Расплачиваться пришлось тем, кто включил механизм поиска однажды летним вечером. Сначала мне, затем Б.Б.В.

Предупреждения следовали одно за другим, затем на меня посыпались беды и несчастья, предсказанные 29 августа восемьдесят девятого Николаем, но я долго не мог понять истинную причину моих бед. Последний раз я мог что-то изменить в своей жизни, вылетев по вызову в Германию. Мне предстояло ехать в маленький городок Пфорцхайм осенью девяносто первого. Там меня ждали две «невесты».

¹¹ Сайт «Nomer.Org» URL: <http://nomer.company/moskva/> Просмотрено 2 июня 2017.

Воздвиженье 1991 год

Визироваться и лететь в Германию в начале семестра могло прийти в голову только самоубийце, а не студенту пятого курса. Но деваться было некуда. Я обещал сдать на права и приехать к маме Эрике в гости. За неделю, благодаря помощи брата и его друзей, я управился. Купил триста дойч марок, билет на самолет и обратный на поезд. У меня еще оставался день.

Не все коту масленица. Двадцать шестого сентября нас со Славкой родители выперли в цирк Никулина на Цветном бульваре. Коренному москвичу девять лет, радости полные штаны. А я ехал в цирк по привычке. Гражданская жена обожала походы в шапито. В этот день новую программу «Осторожно, клоуны» должен был открывать полуживая легенда СССР Юрий Никулин.

Выходит конферансье и объявляет: «К нашему большому сожалению Юрий Владимирович не сможет выступить на открытии новой программы. Он болен!» По рядам проносится ветерок сожаления: «Ох»!

Запомнилась молодая прожженная красотка рядом с итальянским дипломатом. Старший лейтенант КГБ в настоящих бриллиантах и биографией московской шлюхи. Американцы называли наших девушек-разведчиц «красными воробьями». И фильм сняли в 2018 с таким же названием. Я насчитал их порядка трех десятков и все первое отделение не спускал с них глаз. Когда еще увидишь такое! Но в антракте весь дипломатический корпус с эскортом «красных воробьев» быстро покинул свои места. И цирк кончился. Но Славка был доволен: племяшу и без клоунов все понравилось. После ужина его быстро уложили спать, утром в школу. А мы засиделись за полночь. Котлеты из кабанины «сломай челюсть» и самогон в бутылке из-под французского коньяка.

В четыре утра меня подняли холодной водой. Меньше чем через пять часов улетал мой самолет Москва—Франкфурт-на-Майне. Выскочил с вещами на площадку и через минуту в потемках московского подъезда подвернул правую ногу. Брызги из глаз, острая боль, идти невозможно. Кое-как доковылял до подъездной двери. Открываю, на меня бросается крупная овчарка. Кладет свои лапы на грудь и делает «гав-гав». В лицо пахнуло вонью собачьего желудка.

– Да ты не бойся, она не кусается, – крикнул из сумерек хозяин.

Но было уже поздно. Чувствую, как внизу делается тепло. Мокрый. Едва доковылял на одной ноге до метро. Мне без пересадок до «Планерной». Дальше рейсовый автобус до Шереметьево-2. Приехал. Пытка повторяется. Ползу до входных дверей, дальше через вместительный холл к лифту. Почему-то до сих пор помню лицо молодого негра.

Началась регистрация. Пассажиры рейса выстраиваются в очередь. Больше сотни людей. Выстоял, протягиваю паспорт и билет.

– Вы куда летите?

– Во Франкфурт.

– А это в Стамбул. Ваш рейс напротив.

Только теперь начинаю сравнивать номера рейсов. Отличаются только одной цифрой. Вновь занимаю очередь. Проверяют документы. На вещи не обращают никакого внимания.

– Идите в зону пограничного контроля.

Протягиваю паспорт и билет. Осталось несколько минут до окончания посадки. Время идет. Сержант пограничник ждет. Время посадки закончилось. Мой рейс улетает без меня. Прошло еще минут пять. Объявляют вылет рейса. И только тогда солдат хлопает машинкой в моем паспорте.

– Можете лететь.

С восемьдесят пятого я был под подозрением. Ходил тайком в православную церковь. Слежка в университете, подсадные утки даже в кабаках: предлагали мне бороться с социалистическим строем и совали напечатанные в КГБ листовки. Таких за рубеж не выпускают. Забыв о боли и мокрых штанах, бегу в посадочный коридор. За его резиновой занавеской уже выглядывает человек. Это американская «Первая помощь», которой с перестройкой разрешили работать в Шереметьево. Молча хватает мои вещи и приказывает шевелиться. Мы спускаемся вниз. Он властно вызывает трап. Дальше было все как в кино.

Трап на хорошей скорости летит через летное поле. Этот человек звонит по радиации на борт и приказывает остановить лайнер. Мы выкатываемся прямо в бок аэробусу. Ревут двигатели, самолет готовится взлетать. Трап никак не может подъехать вплотную к двери, его относит потоком воздуха от самолета. Наконец открывают дверь. Американец приказывает.

– Прыгай! – и кидает мои пожитки первыми.

Следом за ними лечу и я.

– Ну вот, теперь все на месте, – стюардесса закрывает дверь и я вновь падаю на пол.

Самолет тут же взлетает.

– Идите в салон, – говорит девушка.

Посидев на своем месте с минуту, встал и иду по всем салонам в направлении к хвосту. Дальше только лестница на нижнюю палубу. У ее входа туалет. Захожу. На полке меня ждут не дождутся полная бутылка одеколona «Саша», бинт и вата. Вата советскому ватнику не нужна. Мы и так все из ваты. Беру с полки одеколон и лью его в открытый бинт. Жду, пока бинт пропитается, так, чтобы из него текло. Дальше туго бинтую распухший сустав ноги пачкой бинта. Осторожно переношу тяжесть тела на подвернутую ступню. Боль терпима.

Прилетели через три часа. В аэропорту тьма народа. Это город, а не убогая коробка укрытия Шереметьево-2. Над моими попутчиками, немцами из Казахстана, смеются в открытую. Клоуны прилетели! На меня никто не обращает внимания. Даже обидно. Я одет в потертый евро-хлам, о котором в Казахстане не знают до сих пор. Бросаю вещи и иду в справочную. Как правило, после прилета русского рейса там собираются немцы искать свою восточную родню. У стойки стоят две пожилые фрау. Здравуюсь, объясняю, что к чему. Она из них говорит.

– Если мы отыщем племянника с семьей, то до Карлсруэ доедем вместе. Дальше сами.

Меня это устраивает. Соглашаюсь.

Через час мы все вместе на железнодорожном вокзале. Переход похож на московское метро. Немка спрашивает.

– Деньги есть?

– Да, – показываю деньги.

Те тут же идут за билетом. В поезде мы разговорились. Они русские немки. Протестантки. Отсидели по восемнадцать-двадцать лет в советских лагерях за веру, но не за царя и не за отечество. У обеих на запястье выколот номер. Смертницы. Их освободили в пятьдесят седьмом. Спустя несколько лет западные немцы вытащили из СССР. За регулярные посещения церкви таких, как я, пасли старушки, стучавшие на КГБ. Только поэтому меня не выпускали из зоны пограничного контроля Шереметьево до вылета самолета. В этом даже Борис мне не мог ничем помочь. Он и сам был глубоко верующим человеком и скрывал это всю свою жизнь.

Мы быстро нашли о чем поговорить. Одного поля ягоды. Племянника с детьми и женой старушки выперли в соседний вагон. Им с ними было неинтересно.

Перед самым Карлсруэ немки буквально вцепились в меня с вопросом, который мучил их долгие годы.

– Ты православный, мы лютеране. Разницу знаем. Помилует ли нас Господь?

Они буквально поедали меня взглядом.

– Бог смотрит на то, сколько каждый человек на Земле отстрадал за Него. Чем больше, тем ближе к нему Бог. Это единственный критерий. Все прочее выдуманно богословами. Иначе бы никто и никогда не спасся.

Мои слова сразили наповал исповедниц веры. Мельком глянув в окно, одна из них произнесла.

– Карлсруэ. Скорее, у нас три минуты.

Бегом вылетели на перрон, схватили мои вещи и побежали в подземный переход. Я едва поспевал за ними вслед, боясь наступить на подвернутую ногу. Двум фрау под девяносто, а бегают как сорокалетние. Через минуту на соседний путь пришел французский голубой экспресс «Страсбург—Штутгарт». С настоящими француженками. Но красивых в вагоне мало. Поезд тронулся. Мои попутчицы остались на перроне. Одна из них украдкой смахнула скупую слезу.

Через полчаса я был в Пфюрцхайме. Уезжая, прижимистая мама Эрика не дала мне тридцать пфеннигов на звонок, пришлось кидать в автомат дойч марку. Но тот проглотил и не соединил с набранным номером. Со всего размаха треснул немецкую броню. В руке что-то хрустнуло и она стала распухать на глазах. К правой ноге добавилась левая рука. Первый день знакомства со страной, а путь к ней сплошная травматология. Вытащил еще одну монету и на этот раз услышал Эмму.

– Ты где?

– На банхофе (вокзале). Буду сидеть на большом черном паровозе в центре игровой площадки для киндеров. Забери меня. Я не могу найти остановку шестьдесят второго автобуса.

Еще через полчаса маленькая фройляйн в белом плаще забрала меня с банхофа и я вновь услышал привычный вопрос.

– Деньги есть?

– Да.

– Плати за автобус.

Поужинав, в шесть вечера по-немецки я сидел на вонючем кожаном диване и рассказывал двум сестрам и маленькой болонке Бини о своих дорожных приключениях. Говорил, не отрывая взгляда от окна. День клонился к закату, солнце нежно целовало последними теплыми лучиками жемчужные облачка. Они быстро проплывали над игрушечным городком земли Баден-Вюртемберг. Твердь небесная не знает перегородок. Она одна на всех. Лист календаря покидал праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Через два дня началась обкатка вновь прибывшего. Мною занялись фрау Ольга и дядя Рудольф, родители Эммы и Эстер, старшие братья Свидетелей Иегова. Если бы знал, ни за что не поехал. Семнадцать дней по пять часов кряду со мной занимались изучением Писания. Утром ежедневный шопинг. И только вернувшись в Кишинев, я смог оценить бескорыстный подвиг пожилой супружеской пары. Открыв Библию, я нашел мир веры, о котором не мог и мечтать!

За неделю немцы присмотрелись ко мне и предложили жениться на старшей дочери, а через год-другой принять «крещение». На первое я был согласен. Благородство и вера с большой буквы некрасивой девушки произвели на меня неизгладимое впечатление. Ничего подобного в своей жизни я никогда не видел. Второе не раздумывая отверг. Мне хотелось только одного – уехать домой на занятия.

Германия поставила точку в еще одной истории. Рядом с Пфюрцхаймом находится Штутгарт, столица земли Баден-Вюртемберг. Консульство США в центре города. С видеокамерой советской разведки напротив. Мне осталось только перевести на английский три листа моих разработок и привезти их в Германию.

Три дня я слушал девочек, дядю Рудольфа, но думал только о одном, ехать ли мне в консульство или не ехать. Деньги и адрес консульства у меня были. Нужно было просто кинуть

в дипломатический ящик конверт с разработкой с указанием немецкого адреса и телефона. Я знал точно, что со мной обязательно свяжутся и домой я уже никогда не вернусь. Американцы искали парней с головами. Веры в то, что Борис поможет мне, уже не было. Его выгнали из Совета Министров в сентябре, он стал простым оперуполномоченным по Москве и области.

– Борис закончился, – прокомментировал мой брат по возвращению. – Кокой властью обладал, а теперь никто.

Я не поехал. Меня убедил в этом Владимир Семенович Высоцкий, великий патриот своей Родины. Тогда мне и в голову не приходило, что сделал я выбор не в пользу России, а в пользу нищеты, болезней и проклятий народа, которому я помог.

На том свете с Владимиром Высоцким

В 1991 году мне пришлось решать, уеду ли я за границу или останусь в бывшем СССР. Реальным был только один вариант – ФРГ, учеба дальше или женитьба на немке. Учебу была готова оплатить румынская община, а женитьбу основательно продвинула моя приемная мать, Эрика, найдя мне сразу двух невест.

Выбор оставался за мной. Но, видно, Богу было неуютно мой переезд в Германию и Он нашел пути к моему сердцу.

Сны видят все. Это подсознательное присущее всему человечеству. Разница только в том, кто, что помнит и в каком качестве (цветные или черно-белые).

В мае я получил заграничный паспорт под приглашение немецкой семьи. Этой же ночью во сне увидел умершего одиннадцать лет назад певца и актера Владимира Семеновича Высоцкого.

Точнее, себя и его. Мы не спеша прогуливались по ночному парку Пушкина в Кишиневе. Ночь. Аллея, ведущая к памятнику Штефана Чел Маре. Высоцкий увлеченно говорил мне, что любовь к Родине, Отечеству самое главное. Он не уехал из страны и не советует мне уезжать. Такой смысл его уговаривания.

Затем он пришел в сентябре перед самым отъездом в Германию. На этот раз он просто смотрел мне в глаза и молчал. Пронзительный взгляд выражал одну единственную мысль: «Не уезжай!» Третий и четвертый сон я уже не помню. На Западе я не остался. В чужую веру не перешел и на меня посыпались беды и ужасы жизни в России начала девяностых. Лучше бы я уехал в страну с нормальными, человеческими условиями существования. Не потерял бы все свое здоровье в российской школе и не остался на старость лет полным инвалидом без пенсии.

Последний раз видел его в девяносто пятом. Он появился возле бывшего магазина игрушек на первых воротах завода Ильича в Мариуполе. Непролазная темень. Возле стекляшки, где когда-то мама покупала мне игрушки, горит одинокий фонарь. Дверь открыта и мы заходим внутрь.

Игрушек нет и в помине. Вдоль стеклянных стен стоят обувные стеллажи и все они завалены обувью. Женской ношеной обувью всех размеров. Подошел поближе и стал рассматривать «обновки».

Мое внимание привлекла пара женских модельных туфель. Наверное, тридцать восьмого размера. У моей матери были точно такие же, только на два размера меньше. Она купила их в Москве почти за восемьдесят советских рублей. Настоящая английская обувь. Мама носила их больше десяти лет и была в восторге от их легкости и удобства. В них не уставали ноги.

Взял их в руки. Высоцкий стоит рядом. Подошва одной из туфель стала разваливаться прямо у меня на глазах. Туфли черного цвета были буквально пропитаны женскими слезами. Они соленой влажной полоской остались на моей руке. Сколько горя могут впитать в себя респектабельные туфли? Весили они килограмма два, не меньше.

Иду дальше. В углу магазина в жуткой тесноте ношеной обуви одиноко стоят комнатные тапочки за несколько рублей. Он них исходила нечеловеческая печаль. Такие в шестидесятые годы носили работницы советских фабрик, получавшие копейки и жившие в трущобах советских общежитий. Владелице не было еще и восемнадцати. Крошечный размер, наверное, тридцать пятый. Дюймовочка. Доверчивая простушка отдала ему все, что имела – невинность. Соблазнил и уехал после съемок. О том, что произошло дальше, артист узнал только после своей смерти. Девочка никогда бы не свела счеты с жизнью, если бы это сделал кто-то другой. Он был кумиром ее мечты.

Вся эти пары обуви вели к реально существующим женщинам. Сотням обманутых любовниц Владимира Высоцкого.

В глазах актера застыло мучение. Его дети, друзья и близкие поминали умершего в основном водкой и вином, усиливая и без того нестерпимость огня. Обезумев, вчерашний баловень судьбы просил помощи у того, кого он отговаривал от прелестей заграничной жизни.

Запомнив безгласную мольбу о поминовении, кинулся к священникам. Один из них почитал актера. Сон рассказывать не стал. Посчитают за душевнобольного. Почувствовав страшное, все молчали как рыбы. Потом начались возражения. Он не православный. Крестился вроде как у армян. На литургии помянуть невозможно. Долгие годы поминал его сам и заказывал за упокой. После этого на голову стали падать тяжелые предметы. Не выдержав, однажды просто вычеркнул его из синодика.

Прошел месяц. Мне в руки попала статья о Высоцком и его фотография. Взглянул на него. Он это почувствовал. В ответ на меня посыпалась отборная брань. Плоды жизни длиною в сорок два с половиной года. И только спустя много лет узнал, актер был не крещен. Поэтому все и летело из рук. Помянуть его можно только пирожками и конфетами. «За некрещеного Владимира».

Глава II Бастард и президент

Я увиделся вновь со своими немцами через десять месяцев, 24 июня 1992 года, на Всемирном конгрессе Свидетелей Иеговы. Пять дней столпотворения на стадионе имени Кирова Санкт-Петербурга. Его благоустраивали энергичные и трудолюбивые финны. На свои же денежки. Клеенками обворачивались все скамьи на стадионе – впечатляло до невозможности. Но еще больше поражали канадские ребята: те запросто выгребали русское добро, лившееся густыми и мощными потоками в срочно сооруженные дополнительные облегчительные помещения.

Белые перчатки, комбинезоны и ни капли стеснительности, ущербности от такого ассенизаторского послушания на всемирном смотре прохиндеев от Иеговы. Достоинство. Покой. И даже величие. Вот что излучали глаза канадцев. Ничего подобного в своей жизни, ни до ни после, не видел, и бьюсь об заклад, никогда не увижу. Откровенные еретики с Запада, а такая сила духа от них исходила, что поневоле задумаешься, чего это мы сеем у себя на огороде? Не коноплю ли?

Я без труда отыскал своих немцев в многолюдном секторе «Германия». Рассказал им про розы, которые купил для Эстер и которые тут же пожухли, о том, что закончил учебу в университете и теперь свободен. Дядя Рудольф, похлопывая меня по плечу, стал подводить меня к главному.

– Меньш (от нем. Mensch)! Через день крещение! Ты готов?

Оторопев от его вопроса, улыбнулся «по-немецки» и деловито спросил:

– Во сколько?

– Сначала будет представление крещаемых, их рассказ, как они пришли к вере, а потом, часов в одиннадцать, поставят бассейн на пять тысяч литров прямо на арене и начнется. Будет много, меньше, человек семьдесят.

Коверкая русские слова на немецкий лад, дядя Рудольф неторопливо промывал мои мозги. Но увы! Я слушал его, как всегда, в пол-уха, думая, как отвертеться от очередной каверзы и не попасть как кур во щи в тот распроклятый бассейн.

Решив поменять опасную тему, спросил:

– Где вас вчера носило? Это же Россия. Здесь запросто могут убить, поняв, что вы иностранцы. На моих глазах у англичанки вырвал фотоаппарат юркий малец и сделал ноги. Эти дикари никогда не видели Кодак.

– Меньш, не волнуйся, мы ездили все вместе с группой в Новгород. Целый день. До вечера.

– И что вы там увидели? – спросил я.

– О! Столько бедных!

Тут в разговор вмешалась фрау Ольга.

– Девушка стояла у стены...

Я перебил ее.

– Где?

– В храме, у стены, Как его... Этот, София-собор. Да. Девушка упала от голода. Она была такая белая, как мука. У нее брат инвалид. В коляске. Им нечего есть. Мы ее подняли, она стала так плакать. Дали ей денег и адрес. Сделаем ей вызов в Германию. Дали двести марок.

От бесхитростных слов фрау Ольги меня обдало ледяным холодом. Как это так? В православном русском храме стоят голодные инвалиды, падают в обморок, а им помогают не священники, не матушки, не прихожане, не актив (церковная двадцатка), не епископы, не патриарх, а немцы. Простая семья дворника из Пфорцхайма. Это все не укладывалось в моей голове. Чем больше подает Господь благодати православным, тем они бесчеловечнее.

Только у немцев-изуверов, свидетелей Иеговы, в переполненном во время церковной службы храме нашлась капля жалости и человечности. Бесчеловечен человек. Русский человек. Вслед за сожженным Аввакумом говорю, но уже без кавычек.

Осенью немцы подарили мне роскошную кожаную курточку и дали денег на дорожную сумку. Прошло двадцать шесть лет, и глядя на сумку, которой до сих пор постоянно пользуюсь и хорошо выглядящую курточку, хотя и ношу ее не снимая – понял: эти скромные, честные люди были праведниками. Вещи, подаренные остальными, давно истлели и превратились в хлам, а эти со мной и сейчас.

Следующий день я почти не видел семью дворника из Пффорцхайма. Мы запрятались подальше от их все усекающих глаз в Восточный сектор. Мы – это Эстер, дочь дяди Рудольфа и фрау Ольги и я, человек со станции Дно. Немцы поменяли тактику – в Питер приехала младшая из шести детей. В первый день, увидев подмену, спросил дядю Рудольфа.

– А Эмма почему не приехала?

– Меньш, она осталась с Бинни. Соседи не хотят смотреть нашу маленькую королеву.

Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы в Питер приехала Эмма. На следующее утро, памятуя о маразме в бассейне, на стадион не торопился. Успею. Главное – купить подарок Эстер. Но какой и где? Решил поискать на все том же Невском. А там лабуда и вышибание копеек. Зашел в какой-то ДК. Шкатулки из Мстеры. Поторговался. Цена умеренная. Сказал, что зайду. Время было. Решил его убить.

В конце того же Невского увидел рекламу американского блокбастера. Или ехать на крещение или смотреть «Чернокнижник-1» (Warlock, 1988)? Кинотеатр за углом, вход внутри двора. Не подозревая, что сейчас я делаю самый главный выбор в своей жизни, покупаю билет и иду смотреть кино. Сеанс уже начался. День. Людей почти нет. Несколько молодых праздных любителей черной-черной магии, сделавших свой выбор – губить чужие души. Сел сзади их.

Она, как бы главная героиня, попадает в руки настоящего чернокнижника, упавшего в Бостон из 1691 года. Колдун сдирает с руки девушки ожерелье. Вызываются и насылаются бесы, девушка начинает стареть. Краткая тарабарщина произнесена – колдовство вступает в силу. Отныне день ее жизни равняется двадцати годам. Трое суток и жизнь уступит место смерти. Неожиданно помощь приходит от странного парня, что идет по пятам чернокнижника.

Чем дальше развивался сюжет, тем мне все больше становилось не по себе. Голая жуть, а не фильм. Я понял одно: если сегодня-завтра распишусь с Эстер в консульстве и уеду с немцами, я не попаду в ужасы этого фильма. Если останусь, то этот фильм мой до конца моих дней.

Только одного я не мог знать. По моим расчетам именно в Питере и нашли кандидата на кремлевский престол после царя-Бориса.

Прошло десять лет и я превратился в развалину из-за высохшего позвоночника. В тридцать два я ощущал себя дряхлым стариком, а сейчас я практически живу в положении лежа. Это была плата за желание жить честно. И за то, что не предал свою страну и не уехал навсегда в Германию.

Скоро я забуду об этом дне. Прощание навсегда со ставшими чужими немцами. Свидание с невестой я не оценил, в Германию уезжать отказался. Приезд на день домой, в Мариуполь. Самолет на Кишинев (последний в моей жизни) и целых четыре дня беспробудного пьянства в студенческой общаге. Мои приятели начали бухать неделей раньше. Так, с перепоя, толком не протрезвев, мы отправились получать свои «румынские» дипломы.

То ли от выпитого, то ли от пережитого на экзаменах у моих друзей напоследок пробудилось желание сделать что-то красиво. Крыша подозрительно зашуршала шифером и когда меня вызвали получать диплом-корку, она уже неслась над актовым залом. Три приятеля взвыли осипшими глотками: «Боже, царя храни!». Дальше первой строки дело не пошло. Выпускники истфака не знали гимна Российской империи. Так я и поднялся на сцену под гимн русской Атлантиды.

Мне было стыдно смотреть в глаза преподавателей. Четыре года я отрывался по полной и вот финал, больше подходящий для дурдома. Но неожиданный рев приятелей запал в душу. Это теперь все прочно стоит на своих местах. Найденный в недрах КГБ «царь» к этому времени освоился в питерской мэрии и начал поднимался по лестницам российской власти. Но к этому времени прошлогодний день рождения был напрочь забыт.

Через полтора года я расскажу об этом случае своему молодому духовнику, психиатру по профессии и вместо ответа получу ад. Меня постигнет судьба Леонида Алексеевича Филатова, потерявшего враз жизнь и здоровье за попытку отстоять бассейн «Москва» от сноса в сентябре 1991 года. Его предали сатане во измождение плоти. Церкви нужна была площадка для строительства храма Христа-Спасителя. Актер потерял обе почки и жил на одной донора, которая полностью зависела от гемодиализа, пока сквозняк на сцене не отправил его на тот свет.

Седьмого июля, через четыре дня, был мой двадцать шестой день рождения. Он разительно отличался от московского. Общее намерение было четкое, простое и для всех неоспоримое, как лавина: справить! И справили.

Меня спросили о «последнем желании». Ответил: «Никаких подарков». Исполнили в точности. Вместо «памятных вещиц» осыпали цветами и букетами. Так осыпают цветами только покойников, оставляя их на могиле. Из студенческого «номера» я уезжал последним. На столе, подоконнике, на полу – всюду стояли цветы. Бросив взгляд на банки с водой, забитых цветами, навсегда закрыл дверь в кишиневское теплое лето. Впереди меня ждала лютая зима и жестокие русские морозы.

1993 Иди и убивай

Сентябрь 1992. С того дня, как я придумал при помощи содержимого мозгов проникать в будущее, прошло долгих семь лет. За моей спиной личная теория успешно перешла в общественную практику. А я оставался в полном неведении о том, что лоха просто обобрали.

Чтобы попасть в ФСБ, которое одна на всю Россию занималась подобными делами, да и то полулегально, переехал в Россию, прописался и устроился на работу. Вначале искал работу рядом с домом, в Таганроге. Капитан ФСБ, выслушав меня, сказал, что сделает все возможное для меня. Надо только устроиться на постоянную работу в Таганроге и прописаться в каком-либо общежитии. Работу нашел в археологической экспедиции, а прописаться не смог.

Пришлось ехать к своей родне в Ивановскую область. Но все было тщетно. Мое заявление в ФСБ не принимали, Иваново отшвыривалось от меня, как от прокаженного. Крошечного бюджетного пирога ивановского ФСБ катастрофически не хватало на всех. Записался на прием к Уполномоченному Президента РФ по Ивановской области, и конечно же, бывшему полковнику КГБ. Позвонил Борису, спросил, что это за фрукт, знает ли он его? Услышав фамилию, Борис оживился.

– А, этот наш. Передавай ему привет. Выпивали вместе.

Увидеть еще одного пьяницу не хотелось, но деваться некуда, пришлось идти на прием. Увидел холеного старика, недоверчиво изучающего очередного просителя.

– Зачем пожаловали?

Кратко излагаю суть дела. Его лицо вмиг делается ледяным.

– За границей были?

– Да. Год назад в ФРГ.

– А, так вас там завербовали, вот вы везде и ходите. Вы шпион! А ко мне пришли, что я помог вам проникнуть в государственные тайны. – и смотрит на меня победоносным взглядом.

Такого алкогольного маразма я давно не слышал. Напротив меня сидел выживший из ума кагэбэшник. Получив плевков в лицо, словно я на самом деле второй Гордиевский, молча встаю и ухожу.

Остался последний вариант – сидеть в библиотеке и искать законодательную дверь в профессию.

Наш институтский преподаватель права неустанно повторял нам, что законы надо читать и изучать в оригинале. Оригинал – это «Ведомости» Верховного Совета РФ. От законов и постановлений, принятых ВС РФ по секретным видам деятельности, веяло лютым холодом. Профессионалов с первоклассным опытом работы отправляли в резерв, на пенсию, сокращали в «связи с перепрофилированием основных видов деятельности». Такого безумия, полного паралича власти не было и в марте 1917 года. Над страной глумились тридцатипятилетние мальчишки, успешно завербованные западными спецслужбами в конце восьмидесятых. Захлопнув последний закон, я знал, что делать.

Сентябрь 1993 года. Уже не помню, где и как отыскились номера телефонов ВС и конкретные фамилии сидельцев в Комитетах, но первый человек, поднявший трубку, был Степашин. Выслушав в чем дело, поинтересовался, откуда я звоню.

– С Ивановской области, – ответил я.

– А, – радостно подвел итог всему разговору председатель комитета по обороне и безопасности, – так вам нужно обратиться к моему заместителю, Большакову Борису Терентьевичу, он ваш земляк.

И, продиктовав два его рабочих телефона, распрощался. Звоню Большакову. Объясняю, почему я свалился ему на голову. К моему удивлению, он назначает мне точный день приема в Белом доме.

– А как я к вам попаду? – спрашиваю.

– Зайдете в третий подъезд, вход свободный, наберете с внутреннего телефона номер, я выпишу вам пропуск. Пропуск на входе покажете дежурному, он сделает отметку и скажет, куда идти. Все. До свидания.

Ошеломленный от такого поворота дела, кладу трубку. Неужто удача постучалась мне в дверь?

Ровно через пять дней я сижу в его кабинете на одиннадцатом этаже, даже не подозревая, что через месяц именно по верхним этажам будут бить танки «первого президента» России.

Объясняю, почему не прошел медкомиссию и прошу рассмотреть саму суть дела заново. Показываю ему заявление и пожелтевшие листки «Об основах российской ментальности». Он пробегает глазами заявление и начинает читать «записки сумасшедшего», как назвала их женщина, печатавшая с черновика, не переставая при этом пить кофе. Но вот прочитан первый лист и кофе «кончилось».

На моих глазах произошло невероятное. Полковнику ФСБ и депутату Верховного Совета стало интересно. Я смотрел в окно, на пасмурную Москву и ждал, когда он закончит читать «бред и гадость, чушь и кошмар». Бедная женщина плевалась, набирая непонятные ей слова.

– Олег Степанович. Вы нам подходите. Минутку, я позвоню в Иваново, прикажу, чтобы ваше дело было пересмотрено.

Теперь уже я с интересом смотрю на Бориса Терентьевича. Рука Большакова снимает трубку прямого телефона и через минуту начальнику Управления СБ по Ивановской области «стало хорошо». Сделав одно дело, он обратился ко мне:

– Конечно, если бы вы просто хотели служить, в приемной на Лубянке целый список вакансий.

Перебиваю.

– Был там в июле. Норильск, Магадан, районы Крайнего Севера, Дальний Восток. И никаких ограничений по глазам. Предлагают выбрать, что подходит. Даже переувечиваться не надо, пиши заявление и в бой.

– Все дело в том, что то, чем вы хотите заниматься, отнесено к правительственным секретным подразделениям. Это власть. Медкомиссия будет носить формальный характер, если согласитесь на три года крови.

Вот облом! О таком я слышу впервые. Три года чего? Горячих точек, криминала, чьей крови? Моей? Чужой? Вопросительно гляжу на офицера. Мои глаза просят пояснения.

– Олег Степанович, мы должны быть в вас уверены. Три года это минимум. Я бы мог сказать больше. Пять лет. А некоторые проходят еще больше.

Наступила гнетущая пауза. Видя мое замешательство, замешательство человека, который никогда никого в жизни не избил, не покалечил, не говоря уже о более страшном, полковник ФСБ продолжил.

– Понимаю, – смягчаясь, сказал он. – Сразу трудно сделать выбор. Если бы вы нам не подходили, никакого предложения не было бы. Надумаете, дайте знать мне лично. Если меня здесь не будет, звоните ко мне домой. Даже если трубку поднимет моя жена, говорите ей все. Вот мой домашний адрес в Иваново, на выходных я всегда там, и домашний телефон. Да, и если вам нужна будет помощь, звоните, чем можем, тем и поможем.

С этими словами он протянул мне служебный пропуск и я вышел за дверь, унося конкретное предложение от Большакова. Стать убийцей на три года. Так или иначе, он неплохой психолог. За пять минут вычислил мое слабое место и надавил изо всей силы. «Мы все его проходили», – сказал, меняясь в лице, депутат последнего ВС. Все?

По военной разведке (ГРУ) Верховный Совет Российской Федерации за два года не принял ни одного закона или постановления, директивно сокращающее финансирование этого ведомства или какие-либо ущемления военных разведчиков законодательного характера.

«Реформам» подвергся, прежде всего, политический сыск, а все решения по финансированию ГРУ, финансовая отчетность проходила в закрытом режиме парламентских слушаний, что и указывалось в Ведомостях ВС.

На этом мои хождения закончились. Вернувшись в поселок, получил нагоняй от местного ФСБ. Те позвонили в школу и приказали «поставить на место зарвавшегося учителя». Травля не травля, а жить стало тяжелее. Мой директор, следуя «директивным указаниям» руководства ФСБ по Ивановской области, просто клал мои заявления на переаттестацию под сукно без кавычек и на моих глазах. Через год я стал умирать от хронического недоедания, а временами просто от голода. Зарплата учителя составляла тогда семьдесят долларов США.

Но новая власть в лице Ельцина не давала этим ребятам развернуться по полной (читающий эти строки сейчас поймет – в путинской России такие маневры учителя в Белом доме просто невозможны). А еще через месяц, приехавшая за остатками теленка сестра, узнав, как я съездил в город-герой Москву, рассказала мне «про прогнозирование» следующее.

– Вон у нашей (назвала фамилию) знакомой дочь вышла замуж за парня. Он в Ивановском ФСБ этим самым прогнозированием занимается. Живет не пыльно. С утра газетки и журналы перелистывает, карандашиком чиркает, таблицы разные заполняет. Раз в месяц на стрельбище за город выезжает и получку вовремя получает. Работа спокойная. Из кабинета не выходит.

Услышав, как недостижимая для меня общественная планка легко покоряется коренным ивановцам, спросил:

– И как ему удалось такое точное попадание в яблочко?

– А у него там лапа есть волосатая. Взяли без всяких яких. Чего добру пропадать, своего посадим.

Меня словно в ледяную воду окунули. Стало холодно. Своим все и без задержки, а с улыбки просящим «три года крови». Хочешь? Пожалуйста, поможем отправиться на тот свет или, по крайней мере, вывалиться в грязи по уши. Новый русский мир создавался на моих близоруких глазах только для своих и традиционно с черного входа.

Но и это не было точкой во всей той гнусной восьмилетней истории. В феврале 1997, придя с работы, включил только купленный корейский телик. «Вести» выплевывают в меня короткое сообщение. В Москве раскрыта организация правого анархистского толка числом до ста человек. Задержаны, ведется следствие.

Мне стало не по себе. Именно на это время и год я поставил в своей работе появление анархистских организаций в Москве численностью до ста человек. Прочитали и без всяких мучений совести чужими руками выписали себе очередное повышение. Воровать – грех, а заимствовать чужие труды нет. Родину спасаем! Понимать надо. Последнее, о чем я писал в своей записке конца 1992 – требования федерализации Сибири и начало распада государства пришлось на лето 2014 года.

1994 Господни поминки

Тогда мне и в голову не могло прийти, что моему выдвиженцу сделали точно такое же предложение. Система со всеми претендентами поступает одинаково. ПЯТЬ ЛЕТ КРОВИ (1991–1996). Ведь в нем должны были быть уверены. Найти слабинку у Путина не составило особого труда. В это трудно поверить, но кристально честный кагэбэшник до этого никогда и ничего не крал. Поэтому ему приказали делать то, чего он никогда в жизни не делал – воровать без остановки (в сентябре 1991 года Путин был переведен в внешнеэкономический отдел мэрии). Наворованного за годы работы в Питерской мэрии хватило на сотни томов уголовного дела. Это на тот случай, если карманный черт вдруг усовестится. По этому поводу много чего написано, а затем снято. Одно из них журналистское расследование Анастасии Кириленко и Александра Иванидзе. Фильм «Хуизмистерпутин». Но побудительной причины, по которой подполковник Путин стал вором, в фильме и близко нет. Как и нет подлинного анализа всех правил Системы.

Пока тот, за кого с меня сдирали шкуру, воровал, умерла моя бабка Зинаида. Не только у нас, у всех жителей бывшего СССР сгорели личные сбережения. Ее долгая болезнь забрала последние деньги в доме. Хоронить ее было не на что. Когда я сказал об этом духовнику, лицо его приняло возвышенное выражение.

– Бог никогда не оставляет своих детей! Поезжайте. Все управится!

Ему было бесполезно говорить, что сам третий год живу в полной нищете и придется делать новые долги, которые нечем отдать. Пришлось ехать.

Рассказ моей матери. Все дни перед смертью мама мучила меня только одним вопросом.

– Вера! Скажи, как ты будешь меня хоронить? Ну как?

И еще просила.

– Вера! Только в полиэтилен меня не заворачивай, – зная, что денег нет даже на гроб.

Вот в один из таких тягостных дней возвращаюсь с суток домой. За ночь не присела ни разу, ноги ватные. Дома умирающая. Отчаяние и безысходность. Рядом со мной поравнялась женщина лет сорока в тунике. Одета она как-то не современно, без польской синтетики черного цвета и босоножек на босу ногу.

Вдруг чувствую, эта женщина мне говорит мысленно: «Ты только веруй! Веруй!»! Мама посмотрела на нее. В глазах незнакомки жила твердая уверенность, что все будет хорошо.

Приехав, я расспросил маму, как выглядела та необычная женщина и по ее описаниям вышла мать троих девочек, замученных на ее глазах, София римская. Она часто помогает верующим, таким, кто не в состоянии найти средства на похороны.

Где-то в это время мать позвонила мне в Колобово и говорит:

– Бабка наша зависла. Ни туда ни сюда. Позвоночник распался, поворачиваю ее сама, сил уже нет.

– Мам, так убей ее! – говорю в ответ.

Она давно привыкла к моей «своеобразной» лексике, как впоследствии ее назовет мой мариупольский духовник. Не удивившись, спрашивает.

– Как?

– Очень просто. Поговори с ней. Если она согласится, пригласи священника, которому ты доверяешь. Скажи ей, что когда она будет исповедоваться, ты выйдешь на улицу. Дома тебя не будет. Иначе она так и будет лежать и лежать.

– А причастить?

– Если у нее постоянная рвота, ты должна просто сказать от этом священнику. Он все будет решать сам. Ей не нужно поститься, она умирает, должна быть натошак и не пить воды.

– Да она уже рвет водой!

– Скажи ему об этом.

Приехал священник. Мать ушла на улицу. Выходя после исповеди, отец Олег сказал.

– Очень хорошо исповедовалась. Она просто порадовала меня своей исповедью. Я ее причастил. Если вырвет, рвоту не выливайте в унитаз. Ее сжигают за алтарем, молитва покаянная читается, а мне крупно влетит.

Рвота началась только в час ночи. Мать собрала все и поехала к бабушке. Услышав «новость», тот побелел.

– Во сколько была рвота?

– В час ночи.

– А, так это уже другой день. Слава Богу! Грех, если в этот день до полуночи. Все нормально, выливайте ее.

Через сорок часов после причастия бабушка умерла. Наш добрый знакомый, Анатолий, сразу приехал и сделал мерку. Ко дню похорон гроб был готов. Муж сотрудницы заказал автобус и помог с овощами. Сестра Нины Марковны помогла с памятником и его установкой.

Роддом словно ждал команды. И друзья и «враги», равнодушные и неравнодушные нанесли столько денег, что после поминок еще осталось снести «двенадцать полных коробов». Дальше это поветрие пошло по центральному рынку. И продавцы мяса отдавали самые лучшие куски за бесценок. Причем уступать их никто не просил. Завидев черные косынки, они твердили одну и ту же фразу.

– Надо значит надо.

Повариха Екатерина, которая тоже готовила на поминках бесплатно, удивилась.

– Мы хорошо скупилась. Нам все уступали и отдавали за полцены самое лучшее. Я никогда такого не видела, хотя скупалась на поминки десятки раз!

На отпевании я столкнулся лицом к лицу с человеком, который навсегда войдет в мою жизнь и будет моим первым настоящим духовником тринадцать лет.

Вернувшись в Колобово, к моему удивлению получил материальную помощь. Она была равна сумме моего долга. Так Господь хоронил мою бабушку, но и это еще не все.

Прошло пятнадцать лет. По благословению духовника я перешел на другой приход. В том году день ее смерти пришелся на понедельник. Пришел утром заказать панихиду, литургии в храме не было.

– Вера, напишите панихиду, – говорю женщине в свечном.

– Олег, ты где вчера был? Священник же на весь храм объявил, панихиды в понедельник не будет, владыка вызвал в Донецк.

Стою как убитый, не знаю, что сказать.

– Давай я позвоню своим в Никольскую церковь, там через десять минут начнется панихида.

– Нет, это не то. Меня там нет. И куда это теперь? – достаю из пакета свежую икру.

– Давай сюда, мы ее сами помянем.

– Лучше строителям. Бабушка после заключения на мариупольских стройках работала, – возражаю Вере Васильевне.

Она еще уговаривала меня заказать поминание в другом храме, но я окончательно расстроился.

– Бог не принял моей милостыни, не принял, – только и твердил, уходя из церкви.

Возвращаюсь домой по улице. Помянул, называется. Вдруг слышу и чувствую, Господь коротко приказывает.

– Облачение, – и встает с престола.

Я уже входил в дом, как Сам Господь наш Иисус Христос, «иерей вовек по чину Мельхиседекову» (Пс. 109: 4) начал служить панихиду по рабе Божьей Зинаиде. Разогрев завтрак и заварив чай, ел, сидел и слушал, как Господь заканчивает панихиду по полному чину. Это

состояние тихо звучащей над головой службы «со властью» не передать словами. От ужаса не знал куда деться. Почему-то достал семейный альбом и посмотрел на бабуку.

Ее глаза выражали точно такой же ужас.

– Бог! – только и произнесла она.

Патриаршие благословения

Не прошло и двух недель после возвращения с похорон, как мой духовник отец Варфоломей (Коновалов) на отпуске¹² сказал, чтобы я подождал его в библиотеке. Минут через десять входит Варфоломей и молча закрывает за собой дверь на ключ. Садится за круглый стол и вынимает из своего зашарпанного дипломата две книжки и кладет их передо мной. Беру в руки. Двухтомник «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале» генерала Дитерихса Михаила Константиновича, автора Тобольского прорыва (1919), последней успешной наступательной операции белых в Сибири.

Книги, это чувствуется, далеко не простые. Издан сей опус в Женеве, 1956 год. Супер-обложка. Эмиграция. «Э, да это книжечки покойного митрополита Никодима (Ротова). Того самого, который представился в приемной Папы Римского. О чем долго скарбезничали московские батюшки, называя Никодима экуменистом и отступником», – подумалось при виде двухтомника. Но вслух не слова. Я не понимал, зачем, или правильнее, к чему, эта эмигрантская монография, да еще бесстыдно спертая у следователя Соколова?

– Внимательно прочитайте. Вам надо заняться этой темой. Это благословение Святейшего. И, самое главное – обо всем этом нельзя говорить. Никому и никогда.

– Время? На сколько вы даете?

– Время не ограничиваю, читайте не торопясь. Книгу никому не показывать, в руки не давать. Читать, запираясь на ключ. Все. С Богом.

Конспирация. Книгу я прочитал. Она мне не понравилась. Не моя специализация, причем устоявшаяся. Двадцатый век и средний палеолит, генезис возникновения тотемических верований и расстрел царской семьи – почувствуйте разницу. Любой историк, учившийся, а не купивший свой диплом, скажет: «Это абсурд, в двадцать восемь лет менять профиль научных исследований, да еще с таким временным разрывом».

Вернул книгу Варфоломею и очень недовольный таким насилием, забыл обо всем. Но с этого дня все, что относилось к Романовым, стало само идти в руки, появляясь неизвестно откуда. Книги, газетные заметки, журнальные статьи, словно их кто-то заказывал для меня. Монархии, современные и уже ставшие историей, где главными героями были родственники Ники и Алекс, оставались лежать забытым глянцем на подоконнике в моей аудитории. Очень скоро я знал наизусть, кто и в какой стране правит как монарх. Генеалогия и современная история жизни королевских семей стали фоном моего погружения в тему.

Потом станут появляться люди: внуки, внучки, правнучки тех, кто конвоировал и убивал несчастную царскую семью. Многих я узнавал по фотографиям и фамилиям. Их невозможно было спутать с обычными людьми. Все они, даже через несколько поколений, несли невидимую, но осязаемую печать цареубийц. Однажды они почувствуют меня и сами придут на встречу.

И посреди томящегося от летнего зноя Мариуполя я наяву услышу револьверные выстрелы и слова Янкеля Юровского: «Его величества больше нет». Его настоящие слова в момент расстрела. Эту минуту в подвале Ипатьевского дома, в клубах совершенно реального, настоящего пороха, когда плечом к плечу соприкасался с черным фельдшером, видел мельчайшие морщинки на его лице, прищур его глаз, забыть весьма трудно.

Екатеринбург вошел ко мне в дом тяжелой поступью разбитых солдатских сапог. И все это помимо моей воли, силой благословения Святейшего. Материалы, которые днем с огнем не сыщешь в архивах, стали накапливаться в папках мариупольской квартиры. Криминальный материал по убийству царской семьи.

¹² Отпуст – окончание церковной службы в православном храме (примечание автора).

Очень странно все это выглядело. Я никогда не принимал всерьез это правление, даже и не знаю, как сказать – кого? Недальновидного полковника? Безвольного царя? Опустившего руки фаталиста? Примерного семьянина? Просто невезучего интеллигента, преданного и обманутого всеми, кроме своей семьи и десятка любивших его слуг? Все вместе взятое плюс миллион фобий и безразличие ко всему, кроме своей семьи?

В университетах заучивались, прежде всего, клише, необходимые для сдачи экзамена. Единственным правдивым источником информации в те годы можно было считать фильм в дешевой постановке Элема Климова «Агония» (1974). И только. До сих пор у меня в глазах стоит сцена отравления Григория Распутина.

На столике в подвале двorca князя Юсупова пирожные «Домино» с повидлом внутри по десять советских копеек, крашеная грузинским чаем № 36 вода вместо вина, квадратные рожи советских актеров с диагнозом алкогольной интоксикации, часы советских марок на руках – незабываемые впечатления.

Через две недели после книг Патриарха я не смог встать утром с постели. Внезапная слабость сковала меня до вечера. Через месяц меня срочно госпитализировали. Язва. Так началось мое расслабление через предание священством Московской Патриархии сатане во измождение плоти. Под расслаблением в православии понимается полная или частичная инвалидность, вызванная бесами и неизлечимая по своему характеру. Первым об расслаблении написал апостол Павел. Он и ввел это в практику христианства. Калечить людей бесами. Причем любых. Хороших и плохих. Во укрепление позиций христианства. Это одна из его сущностей, о которой прихожанам никогда не говорят. Вот его подлинные слова из первого послания к Коринфянам. «5.1 Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. [Лев 18, 8](#). 5.2 И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. 5.3 А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, [Кол 2, 5](#). 5.4 в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, 5.5 предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа. [Пс 108, 6](#). [1 Тим 1, 20](#)». ¹³ Так на основании доноса безумного психиатра мое тело незаметно для меня стали уродовать бесы. Пройдет двадцать семь лет и священномученик Иларион (Троицкий) скажет: «Как я тебе завидую! Лишили здоровья, лишили работы и гоняют бесами! А мы на Соловках грибы и ягоды собирали, рыбу ловили и литургию на пнях служили. Разве это тюрьма? Вот это настоящая тюрьма»!

¹³ Русская Православная Церковь. Православный церковный календарь на 2016 год. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. URL : <https://calendar.rop.ru/bibliya1/64co105.html>.

1995

Второе благословение расслабленному последовало в январе 1995 года. К этому времени Варфоломей тихо свалил в Иваново. Он не выдержал криминальной прозы июня девятносто четвертого. Двух детей, воспитанников Шартомского монастыря, за попытку побега с монастырскими деньгами забили кирзой. Один мальчик скончался на месте, второй стал калеккой. Тогда из монастыря побежали многие. И мой второй духовник, тишайший отец Феодосий. Духовный надзор за мной они передали дублеру, иеромонаху Савватию. Тот, исполняя волю вышестоящего начальства, гнал меня к Науму просить благословение на монашество. А я лежал пластом в предъязвенном состоянии в колобовской больнице.

Но монахам-аристократам, живущих на всем готовом, было плевать, есть ли у духовного чада деньги на билет в два конца, силы и здоровье, чтобы подняться и доехать до лавры подобного Сергия. В итоге Савватий добился своего.

С пустыми карманами, в совершенно пустом вагоне поехал в лавру. Только так, не показывая никому учительского дна на Новый год, не покупая хоть какую-то снедь, можно было доехать к Науму. Кроме белых сухарей и вареной телятины, подаренной сердобольной учительницей, за душой у меня не было ничего.

Наум, как всегда, не принял. Спросил, что делать? Сказал в полголоса – к игумену Борису. Это Гефсиманский скит, где когда-то старчествовал отец Варнава Гефсиманский (Василий Меркулов 1831–1906). Мне пришлось там остаться на четыре полных дня.

– Очень высокие люди нашей церкви предлагают вам два варианта на выбор. Первый. Без пятилетнего искуса постричься в мантию. Второй. В три дня рукоположение в лавре – чтец, диакон, иерей. А как вы на это смотрите?

Молчу. Наконец, не выдерживаю и смеюсь в открытую. Нелепица.

– Мне смешно. Ну какой я монах или священник.

– Вы подумайте хорошенько Русская церковь очень редко кому-либо что-то предлагает. Скорее наоборот.

Собравшись, делаю решительный шаг и говорю:

– Можете хоть сейчас постригать или в батюшку рукополагать, если скажете, что на это есть прямая Божья воля.

– А причем тут воля Божья. Ты смотри на свое сердце, что оно хочет.

Тут я почувствовал какую-то странность во всем происходящем. Воля Божья и сердце человека – очень далеко отстоящие друг от друга понятия. Сам Господь сказал своим ученикам: «Из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» (Марк. 7: 21–23).

С изумлением отметил, батюшка, без всякого перехода, лгал. Лгал напраую.

– А причем тут мое сердце?

Батюшка удивленно остановился.

– Если вы не согласитесь, вас ждет очень тяжелая жизнь. Очень. Тогда для вас остается только Матрона.

Молча гляжу на него. Я вмиг понял, что меня ждет. О Матроне же никогда не слышал. Молчу.

– Знаете ее? На Даниловском кладбище, метро Тульская, могила блаженной. Ее вот-вот канонизируют. Когда будет плохо, поезжайте к ней. Там песочек дают, свечи. Она ваша до конца дней. Тут игумен остановился и продолжил.

– Вы должны приехать сюда до пятнадцатого марта и дать свой окончательный ответ – монашество или священство (15 марта дата отречения государя; она родилась из доноса отца Варфоломея наместнику о моем выпускном вечере).

Я чуть не поперхнулся от странности этой даты и понимая, что этим людям на меня наплевать, задаю еще один вопрос.

– Батюшка, – говорю я ему. – Моя мама и я хочу жить в России, а здесь у нас ничего нет. Жить нам негде. Я в общежитии. Квартиру продавать, денег все равно не хватит даже на развалину за городом. Что скажете?

– Квартиру продавать не благословляю. Там продадите, здесь получите бумаги вместо дома. Будете стоять на улице и на ночь глядя некуда будет идти. Прольете море слез и некому будет помочь. А если хотите, в России живите. Купите себе домик в деревне и живите.

– Батюшка! Да у нас нет ни копейки, на что мы купим этот дом?

– Что? Совсем нет?

– Совсем, батюшка. Я сюда чудом Божиим доехал, монахи трясут – езжай и все тут. И если бы мать поездом не передала деньги с посылкой – обратно иди пешком.

– Это плохо.

Вижу, батюшка расстроился. Голову опустил низко и стал рыться в котомочке, стоявшей под ногами. А там книжки в переплетах роскошных, золотых, что-то еще заманчивое. Ух, дух захватило, так захотелось чего-нибудь оттуда. Детства. Сказки. Счастья. Словом, запрещенное для православного. Наконец вынул. Огромных размеров апельсин.¹⁴ Подает. А меня от боли тотчас скривило.

– Батюшка! Куда он мне. Я ведь после язвы. Вон, со мною только вареная телятина, подаренная сердобольной женщиной. Ем черствый белый хлеб и пресную телятину без соли. Больше ничего не могу.

Лицо добрейшего монаха в одну секунду стало несчастным.

– Прости. Я ведь не знал. Что же тебе подать? Вот, погоди.

И снова в котомку. «Ну, – думаю. – Сейчас мне что-нибудь хорошее, желанное подарит». А он вынимает маленькую, тонюсенькую брошюрку в десять листов на ржавой, неряшливой скрепке. «Неупиваемая чаша». Акафист в честь одноименной иконы. Бесы, убогость, нищета.

– На. Это тебе. С Рождеством.

Моему разочарованию не было предела. Мне хотелось совсем не этого. Аж передернуло. Знал бы я тогда, что мне поддал игумен Борис – проклял бы и жизнь свою. Такую свинью он мне подложил. «Расслабление и немощь до конца дней» называется та свинья.

– Спаси Бог.

А сам от расстройства чуть не плачу. Деваться некуда, от державы-апельсина под контролем Московской Патриархии отказался, книгу не получил – бери, что дают – расслабление и бесов.

Уезжать из России, несмотря на третью, самую тяжелую за год госпитализацию, не хотелось. Но дальше произошло то, чего я меньше всего ожидал. Вызвав меня на осмотр, главный районный уролог города Шуи сделал мне решительное предупреждение.

– Если инфекция не будет подавлена, температура не спадет, возьму вас к себе, в свою палату. Это что же за извращение, не спать совсем с женщинами. Что это за дурь, отказывать себе в удовольствии. Это ненормальность. Я вас от этого вылечу. Навсегда. У меня есть две чистенькие, хорошенькие сестрички. Оля и Лена. С первого июля они займутся вашим лече-

¹⁴ Тоже самое, что и пятнадцатое марта. Возьмет, значит царь. Апельсин по форме напоминает державу в руках царя. Цинично-прозорливый игумен выполнял несколько задач: вербовал и одновременно прощупывал собеседника. Примечание автора.

нием. Оля будет спать с вами днем, а Лена ночью. Я эту дурь из вас вышибу. Будете пахать на них, как вол в колхозном стаде. Вся инфекция выйдет за десять дней.

Выслушав молча маститого эскулапа, ждаль «урологической трахалки» по-шуйски не стал. Первого июля поезд «Москва—Мариуполь» привез меня домой. Ловушка захлопнулась.

В поезде мне пришлось ехать с профессиональной тувинской гадалкой. Она, глядя на мою крайнюю нищету, все хотела меня покормить. Но, получив отказ, предложила кинуть карты. Когда я и от этого отказался, сказала, что деньги с меня не возьмет.

Мотаю головой, мол, нет, не нужно. Помолчав, сказала, что едет в Мариуполь хорошо заработать. Пригласили жены директоров металлургических заводов. Очень хорошо платят, на деньги не смотрят, хотят знать все свое будущее. Вдали показались трубы двух главных кочеварок, мариупольских «Ильича» и «Азовстали». Теперь, в двадцать третьем, они все разрушены. Не знаю, что она им напрогочила. Но все боссы вывезли немало денег на Запад. А. В. Савчук, владелец Тяжмаша (ОАО «Азовмаш») вывез все в Париж. И семью свою. Там и умер от рака горла. А его рабочие работали на него без получки. Чтобы не убегали, их приковывали к станкам. Мой свояк был охранником на Тяжмаше. Ему не заплатили за три или четыре года. Он ждал лет десять. Теперь уже никто не заплатит. Беззакония сменили развалины. Рабы мертвы, как и их хозяева. От вида десятков труб кочеварок сжалось сердце. Россия кончилась, начиналась Украина.

Так, с двумя нереализованными благословениями, украденным здоровьем, запретом продавать нашу крошечную квартиру в Мариуполе и акафистом в честь иконы «Неупиваемая чаша» я вернулся в Мариуполь.

Если бы не тот решительный запрет, мы бы с мамой не познали в полной мере участь приживалок на ее же Родине. А сейчас из-за военных действий за нее не дают и гроша ломаного. Плати огромные счета за пустую квартиру и молись об упокоении игумена Бориса. А в двадцать втором квартиру и вовсе забрали неизвестно кто. Посредник, моя кума, звонила шесть раз, просила отдать все документы на квартиру ей. Мы не отдали. Живите так в разворованном доме.

Почти на три года болезнь заснула. Словно кто-то невидимый управлял немощью, которую я впоследствии назову «болезнью Дарвина», полученной только для того, чтобы разгадать научную головоломку, не разгаданную великим ученым.

– Мам! Где в этом городе можно найти хорошего, опытного батюшку? – возвратившись в Мариуполь, спросил маму.

– На Левом. Там Поживанов (мэр города) собор строит, а в вагончике служит батюшка Николай.

– И как его фамилия?

– Щелочков. Он по пятницам молебен о болящих служит. Там ему все и скажешь.

Но поговорить после молебна не получилось. Толпа людей окружила уже немолодого и порядком умученного священника. Каждый хотел обязательно задать свой вопрос. Рядом со мной стояла немолодая пара и наблюдала за происходящим.

– Хотел подойти. Да, видно, не судьба.

– Почему так? К нему домой съездите. Называют улицу и дом. В Зитцевой балке, что в порту, рядом кладбище небольшое. Он в будние дни по вечерам дома.

Поблагодарил. Адрес, такой простой, запомнил. А приехал к нему в гости только осенью, отчаявшись найти подходящую работу. Звоню. Выходит дочь и говорит:

– Батюшка нездоров, лихорадит. Приедете в другой день.

– Жалко. Может, вы ему все-таки скажете обо мне, а уж если воля Божья есть, он меня в любом случае примет.

Прошло минут семь. Открывается дверь и выходит батюшка. В индийской спальном белье с начесом внутри. Поверх накинуто зимнее пальто.

Здороваюсь. Прошу благословения. Извиняюсь И уже через десять минут забыл обо всем. Просто, понятно и мудро отвечал мне этот пожилой, много чего повидавший, человек. Еще через полчаса он стал мне как родной.

– Знаешь, я ведь одиннадцать приходов сменил. Везде гонят.

– Почему, батюшка?

– Видно, ко двору не пришелся.

– А кто же вас гонит?

– Марковский. Он, как только сюда приехал, меня невзлюбил.

– За что?

– Я оказался старше по возрасту, да и хиротония у меня почти как у него. Потом пошла зависть, что люди ко мне идут. Он все подкапывать под меня начал. А как стал благочинным, поставил цель – сжить со свету. В восьмидесятые он великую власть имел в городе.

– Да откуда ей-то взяться у него? Церковь была гонима.

– КГБ дал. Он на них работал, своих собратьев сдавал без зазрения совести. Таких, как я или отец Лев (Финляндский).

– А это кто?

– Он умер в семьдесят втором. Отсидел, кажется, лет двадцать по сталинским лагерям. Марковский с ним начинал служить на приходе, когда его в Жданов (Мариуполь) перевели. Только от одного вида отца Льва того трясло. Не переносил его на дух. Отец Лев был подвижник и молитвенник. Да и с властями на стовор не шел. Таких сейчас нет.

Спустя много лет Екатерина Григорьевна, духовная дочь отца Льва расскажет, как при отпевании и погребении засияет гроб покойного. Потому, добавит, что им очень соблазнился Марковский. Тогда старушек очень развеселил факт безумного недоверия к коллеге протоиерея Николая Марковского. До такой степени, что мертвое дерево засияло.

– Я все равно никак не пойму, как он мог вам всем пакостить?

– Клязумами и доносами. Мол, мы все антисоветчики, ведем подрывную деятельность против советского строя, людей разлагаем на проповедях. Грязь лил тоннами без остановки, пока весь СССР не развалился.

– Ну и ну! Ужас какой. И чего ему не хватало? – я сразу вспомнил Кишинев восемьдесят пятого.

– Его злоба душит, что я еще жив, что люди ко мне идут...

Тут батюшка Николай не выдержал и заплакал.

– Он всю душу из меня вытряс. Скоро выгонит меня и из Михайловского собора. Этот приход у него костью в горле застрял. Хотя Поживанов (тогдашний мэр города) только из-за меня и затеял эту стройку. А поставит кого-нибудь из своих (впоследствии так и вышло).

Слезы лились из глаз беззащитного старика, хотя ему было всего лет шестьдесят. По своей редкостной доброте он терпел эти муки больше четверти века. На моих глазах священник сживал со света священника и правды искать было негде. От исповеди гонимого батюшки стало не по себе. Пожилой пастырь жалуется на своего собрата первому встречному, которого никогда не видал. А вдруг я такой же или еще хуже?

Именно в храм Святого Николая, где служил гонитель Щелочкова, мне и приходилось ходить, поскольку никаких других церквей поблизости не было. Из-за статуса кафедрального собора службы шли ежедневно по уставу и без сокращений. Это очень напоминало мне монастырскую службу подворья монастыря. И в храме святителя Николая была благодать.

К этому времени мой новый духовник выгонит в очередной раз с прихода Святого архангела Михаила батюшку Николая. За город, в старый дом без стекол в поселке Ялта, где поблизости строился храм Усекновения честной главы Иоанна Предтечи – февраль 1996 года. Затем, видя, как быстро строится церковь (помогал грек-предприниматель из Москвы), выгонит вновь. Теперь уже на совершенно голое поле, в поселок Агробаза.

Там, на рву, где расстреливали тысячами евреев, будет поставлен вагончик и в газете «Приазовский Рабочий» появится объявление. «Прошу помочь стройматериалами, особенно кирпичом, для постройки храма в честь равноапостольной Марии Магдалины. Деньги не нужны. Протоиерей Николай (Щелочков)».

Деньги, конечно, были нужны. Но батюшка жил в состоянии подследственного. Попроси он помощь деньгами, Марковский тут же вызовет отряд проверяющих из экономической милиции. Мол, старый стяжатель вновь начал обирать бедных бабушек и дедушек. И вместо стройки из старика сердечника вытрясли бы последние капли жизни.

Это будет последний приход гонимого священника. Здесь, на Троицу 27 мая 2007 года, прямо в алтаре, отойдет ко Господу митрофорный протоиерей Николай Щелочков. К этому времени я был практически умирающим от голодных приступов, вызванных неизлечимой болезнью. На похороны, знал точно, мне ехать нельзя. Задавят в давке до смерти. Проститься с настоящим, любимым мариупольцами пастырем съехался весь город, а металлургический комбинат им. Ильича оплатил грандиозный поминальный обед.

Николай II

За месяц до моего приезда домой один из моих летних снов закончился и я попал в Смольный. В сессионном зале открыли боковые двери и объявили перерыв. Рядом со мной остался только оператор ОРТ. Куча проводов на полу в широком проходе между нижним и верхним сектором кресел. Спертый воздух сессионного зала, который я ощущал всеми порами своих легких. В снах так не бывает. Я попал в зазеркалье агонизирующей страны.

Неожиданно в том широком проходе появилась коренастая фигура военного среднего роста. Но обмундирование его было странным и далеким от уставного. Оно больше подходило для юродивого или шута горохового, а не военного начала двадцатого века.

Солдатская гимнастерка без офицерских пагон, офицерское галифе и портупея дежурного офицера, начищенные до блеска сапоги. Солдатская гимнастерка все портила. Да и портупея не к месту. Должен был быть просто ремень, но какой? Офицерский, солдатский? Лысоватая голова была не покрыта. Я просто опупел от увиденного безобразия. Ба! Да это тот самый, со станции Дно, где он бросил свой народ на съедение «революционерам». Отступник.

Царь шел по проходу навстречу мне и говорил сам с собой.

– О бедная моя страна! О бедный мой народ! Что они с ней сделали! Обокрали, обманули, разворовали...

Он, не замечая никого вокруг, прошел мимо, в отчаянии обхватив руками голову. Ошарашенный издевательствами над военной формой, с возмущением смотрел на уходящего басилевса. Мои глаза выражали такое негодование, что не весть откуда взявшийся старший прапорщик в форме ограниченного контингента советских войск в Афганистане улыбнулся краешком губ. Все это время тот стоял в сторонке и внимательно наблюдал за мной.

– Пойдемте, я покажу вам, где живу.

С этими словами мы пронеслись по воздуху над северной Россией и оказались на главной улице Солнечногорска в двухкомнатной квартире. Начало моей службы в армии. Квартира была небольшой, но очень милой. Подошел к окну, и уже не смог оторвать взгляда от удивительной красоты озера. Его гладь просто завораживала неземным покоем. Умиротворяла все уголки души. Это была не Земля. Через минуту я проснулся. Последние слова не расслышал. Пройдут десятки лет, начнется СВО (2022) в Украине и я на третий день увижу хождение императора заново и услышу то последнее слово, скрытое от меня: «Разбомбили». Вот это слово! Если бы не скрыли его от меня, мы бы любой ценой продали свою квартиру и не скитались бы по чужим углам.

Осенью мне пришлось вновь ехать в Колобово. Когда уезжал домой, из-за температуры и недоедания смог поднять только сумку с лекарствами. Упакованные чемоданы остались у родственников. И только спустя девятнадцать лет стало ясно – царь говорил о войне России и Украины. Теперь я понимаю, отчего император схватился за голову. Он видел войну на Донбассе, Крым, беженцев, голод и нищету. В том числе и нашу с мамой.

1996

Весь 1995–1996 «учебный год» я учился быть безработным. От безделья начал писать стихи.

И мне хотелось сказки фэбээрить,
Мешать злодеям, добрым помогать.
Уметь прощать, любить и верить,
Что всех времен соединится связь.
1996

Исключением стали два с половиной месяца стажировки в таможне. Это было совсем не то, чем я хотел заниматься, но начальник уговаривал меня остаться. Работы по специальности в городе не было. И тогда я решил на лето устроиться воспитателем в пионерский лагерь на берегу Азовского моря. Мы буквально бедствовали.

За тот первый год в Мариуполе я привык к роскошным службам в кафедральном соборе Мариуполя и остался там в качестве простого прихожанина. О благословении Патриарха на священство молчал. Это вызвало бы только злобу, зависть и насмешки. Перед лагерем взял благословение у настоятеля. Он, пристально взглянув, благословил.

За пару дней до открытия первой смены портовской автобус привез нас в пионерский лагерь прямо на берегу моря. Опыта работы воспитателем у меня не было никакого. Никто из моих коллег не хотел особо напрягаться, поэтому с заездом первой смены они слили в мой отряд самых тяжелых детей. Всех «юных моряков» здесь знали как облупленных. Это был их лагерь и утопать в недетских фекалиях предстояло мне.

Чудеса начались в первую ночь по причине вулканического возраста — нам всем тринадцать. Мальчики хотели девочек, девочки хотели мальчиков, но как это выразить словами и движением души, никто из них не знал. Поэтому в ход шли ноги и кулаки юных джентльменов. Слабая половина отвечала им тем же.

Утром девицы без стеснения задирали свои юбки и платица перед оторопевшим воспитателем. Все ноги юных леди были в синяках разного размера и расцветки. Мне наперебой перечисляли атаки на комнаты девочек и докладывали имена самых активных.

Такого быстрого перехода к боевым действиям я не ожидал. Третий день шел ливень и купаться в холодном море врач категорически запретил. А раз так, то вся энергия отдыхающих приняла неуправляемый характер. «Спать мне больше не придется», — только и подумал, вылавливая прогульщиков ужина возле куста чертополоха. Пришлось проводить разъяснительную работу среди бунтарей «Юного моряка» под уже привычный шум дождя.

На второй день столкнулся с юными подопечными на лестничной площадке. Они окружили плотным кольцом мою пионервожатую и с вожделием лапали ее груди четвертого размера. Девушка беззвучно плакала. По ее щекам потоком лились слезы. Жених был далеко и защищать беззащитную студентку пришлось мне. Расшвыряв их в стороны, предупредил в последний раз.

– Еще раз застану за подобным, вызову ваших родителей и все им выложу. Берегитесь. Пощады не будет никому.

Но это было только начало трудного дня. В обед не выдержала издевательств тихая девочка из села. Ее буквально затравили. Сельским не место среди портовской элиты. Она собрала чемодан и плача шла по направлению к воротам. Дальше поля и посадки, ищи ее потом. Хорошо, моя разведка сработала вовремя. Я успел перехватить ее на аллее выше нашего корпуса.

У девочки началась истерика. После получаса уговаривания мы вдвоем вернулись в отряд. Я нес ее чемодан, хотя сам был готов сесть в рейсовый автобус до Мариуполя. Заводилой травли оказался мальчик по имени Александр. Его мать работала главбухом профкома торгового порта. Ребенку ни в чем не отказывали. Пришлось приводить его в чувство. Но он был как невменяемый. Все мои слова летели мимо.

Четвертый сутки я спал по несколько часов и уже едва стоял на ногах, а впереди меня ждали все новые и новые выходки моих милых деток. Ребяшня, почувствовав свободу, отрывалась по полной. Стена дождя отрезала нас от остального мира.

Страшное произошло на торжественной линейке по случаю открытия пионерского лагеря. Разбитые по отрядам, мы стояли на прямоугольном поле, в центре которого развели огромный костер. Не успела линейка начаться, как Александр вцепился в мочку уха сельской девочки. Он буквально вырывал сережку с мясом.

– Не надо, Саша, этого делать, – подойдя к нему сзади, обхватил руки и грудь в замок, так что тому вскоре стало нечем дышать и ухо девочки было оставлено в покое.

Долго в моих объятиях он не выдержал и стал вырываться изо всех сил. В это время меня кто-то позвал. Я отпустил руки и оглянулся, краем глаза отметив полет на песок «шалуна».

– А! Мне больно! Больно! – закричал мальчик.

– Мало тебе, — ответил ему. – Девочке было еще больнее.

Теперь на нас смотрел весь лагерь. Удивляясь его крику, стал рассматривать место падения. Под песком лежал неубранный дворником кирпич.

Бог тебя наказал, подумал я. Через час меня вызвали в медпункт.

– Ко мне обратился мальчик по имени Александр из вашего отряда. У него гематома над глазом или синяк. Как это произошло?

Рассказываю.

– Весь лагерь видел – дитя, играясь и резвясь, рвало с мясом сережку девочки. Насилу отодрал.

Врач молча смотрит на меня. Гнетущая пауза.

– Дело в том, что он уже сходил в канцелярию и позвонил домой. В субботу приедет его мама.

– Пусть и папа приезжает и братья и дядя.

– У него нет отца.

– Да пусть едет кто хочет. Хорошо, если его родительница согласится на перевод сыночка в спортивную группу. Я уже ходил к ним. Они согласны. Иначе он всех детей перекалечит. Ему там найдут чем заняться. Я не виноват, что прямо напротив нашего отряда лежал неубранный кирпич в песке. Его не было видно. А он, как назло, упал именно на него.

Кончилось это тем, что мама написала заявление в милицию после моего отказа извиниться и попросить прилюдно прощения у ее сына. Было много угроз, обид и желания отомстить.

В тот же день меня, наконец, отстранили от круглосуточной работы воспитателем. Я не спал неделю, делая все, чтобы все дети остались целы и живы. Спустя две недели в Мангуше было открыто уголовное дело по факту нанесения ребенку телесных повреждений средней степени тяжести. Мне пришла повестка на допрос.

От всех потрясений я стал никакой. Такое со мной произошло впервые. В июле меня первый раз допросили. Вначале дома в семь утра. Тепленького, прямо в постели, без протокола и лишь затем в милиции. Но подписку о невыезде не взяли. Просто предупредили, чтобы был под рукой. Для моего же блага. После выезда на место «преступления» бригады детских инспекторов заявление обернулось против мамы и сына.

Весь лагерь буквально восстал против них. Вопли и стоны детей и воспитателей были запротоколированы, а я все еще готовился к худшему. В «интересах следствия» сотрудники

РОВД из мухи раздували слона. Услуга платная. Мне объявили, что запросто могу сесть на два года, в лучшем случае на год. Так что признавайся, расскажи как ты искалечил жизнь «маленькому ангелу». Теперь у мальчика энурез.

Мама поехала к ней в бухгалтерию порта. Та в ответ предложила дать ей шестьсот долларов, пару ковров и еще что-то в обмен на «лояльность» и лечение «тяжело пострадавшего» сына. Заявление она все равно не могла забрать – преступление против несовершеннолетнего.

– Мам, вспомни что весной нам говорил батюшка Зосима (Сокур): никогда не берите в долг, никогда! Не делайте долгов, больших или малых. Он ведь трижды это сказал, а потом заплакал. Если мы согласимся, то придется идти по людям занимать. А чем мы будем отдавать? Я год безработный.

Те три летних месяца девяносто шестого года мы с мамой жили в аду. Вспомнились слова Николая: «Каждый новый год будет тяжелее предыдущего в два раза». Но тогда мне и голову не могло прийти, чем обернется и во что выльется его пророчество.

В августе все следственные действия были закончены. Мне приказали ждать. Или суд или закрытие дела. С августа 1996 года – Путин В. В. заместитель управляющего делами Президента Российской Федерации.¹⁵ Мои слова: «Этот человек должен в 1996 году быть в Кремле» исполнили в точности. Ничего не забыли. Меня в тюрьму, Путина в Кремль. Но я говорил о президентстве.

В сентябре по почте получил постановление прокурора о закрытии дела в связи с отсутствием состава преступления. К этому времени по благословению батюшки Николая (Щелочкова) я устроился на работу в школу при ВТК.

– Благословляю тебя не только учить, но и лечить детей. Иди и работай с Богом! – сказал на прощание добрый пастырь.

В марте девяносто седьмого со мной случилось одно происшествие, которое перенесло меня в будущее. На остановке рядом с Каменским клубом мимо меня бежала красивая рыжая дворняга. Пес был очень голоден, но лаял он как-то по-особенному. Это был не собачий лай, это были проклятия. Собачья глотка изрыгала последние черные проклятия на всех и на вся. Людей, мир, всех. Я поставил свой пакет на землю и стал доставать остатки обеда. Пес остановился, но еду так и не взял. Он больше не верил людям. Как я его не уговаривал, собака к еде не подошла. И ко мне тоже. Подъехал автобус и я зашел внутрь. А в церкви молясь, спросил Бога, что все это значит?

– Это то, во что ты превратишься спустя двадцать лет.

Прошло двадцать лет и я в самом деле превратился в человека проклинающего. Новый вид людей, у которых забрали все. Как у той собаки в Каменске.

Через год постижения криминальных азов я уволился из колонии. Инициатором перевода в торговый техникум стал протоиерей Николай Марковский и диакон Гавриил (Агабеков). Вдвоем они уговорили меня уйти из колонии. Им очень не нравилась моя спокойная и благословленная протоиереем Николаем работа. За мной захлопнулась массивная железная дверь. Остались строчки, которые можно написать только на зоне.

Свет обрезан у глаз
Тишиною свинца.
И от тяжести век
Онемела душа.
1997.

¹⁵ Владимир Владимирович Путин. Биография. Официальный сайт Президента России. URL : <http://kremlin.ru/structure/president/presidents> – Просмотрено 9 июля 2017.

1997

К этому времени первый из них стал моим новым духовником. Мне «посчастливилось» в кавычках и без быть тринадцать лет духовным чадом этого человека, священника по призванию. О таких говорят «Священник с большой буквы».

Я долго выбирал: Щелочков или Марковский? Остановился на гонителе. Вел себя так, как ведут прозорливые пастыри: легко читал чужие мысли, избегал общения с кем-либо, говорил мало и только по необходимости. Очень любил алтарь и церковные службы. Когда находился в алтаре, видел всех, вся и все. Но, по-моему, за пределами алтаря такой сильной способностью духовного видения не обладал.

Когда в июле девяносто шестого следствие определило меня главным подозреваемым и начались вызовы на «беседы», рассказал все на отпуске батюшке. А в ответ услышал ледяной ответ.

– Не бейте детей!

Это не было прозорливостью. От его ответа веяло откровенной предвзятостью. Он что-то видел духовными очами. Мне ведь и вправду пришлось отшвыривать детей, лапавших пионервожатую. Если бы я их бил, меня давно посадили бы. Тогда впервые промелькнула смутная догадка – семь дней ужаса в лагере, сорвавшиеся как с цепи мальчишки, дожди и ливни дни и ночи напролет – все лагерное безумие подстроил именно он.

Если это так, то его духовная власть огромна, иначе мне не пришлось бы кувыркаться в тех ужасах. Цель – присмотреться, как я поведу себя в подобной ситуации. Меня просто прощупывали.

Весной 1995 года мой духовник иеромонах Савватий в приступе откровенности чуть было не проговорился.

– Не ездь домой. Остайся здесь. Если не можешь работать, то в монастыре у Никона поживешь. Парное молоко поставит на ноги.

– Нет, батюшка, бабка умерла, мать осталась одна, мне придется ехать. А молоко и козье уже не помогает.

– Тебя там женят, – вдруг выпалил отец Савватий.

– Женят? – удивленно переспросил его.

Но Савватий мгновенно оглох и не сказал больше ни слова.

Через месяц уговаривание «не ехать домой» повторилось с новой силой. На этот раз вмешался настоятель собора в Палехе отец Серафим.

– Прошу вас, не уезжайте.

– Но почему, батюшка?

– Не могу сказать, просто не уезжайте.

– Теперь и я вас прошу, скажите, в чем все-таки дело?

Монах, а был он очень добродетельной жизни, заплакал.

– Вас там ждет нечто страшное.

Развернулся и быстрым шагом ушел. Мне на миг стало не по себе. Впоследствии слова иноков, Савватия и Серафима, оказались вещими. Лучше бы я умер в Шуе, напоследок изнасилованный Олей и Леной, чем пережить то, что большинству пережить не удавалось – ненависть семьи православного священника.

Как только я уехал из лагеря, дождь вдруг перестал лить, солнце согрело морскую пучину и дети стали шелковыми. Их водили купаться два раза в день. Ночью они спали как убитые. Проблемы полов закончились, словно по взмаху чьей-то волшебной палочки. Да и какие проблемы могут быть, если детям всего тринадцать.

Лаврские отцы – Наум, Борис и Георгий на прощание надарили мне кучу духовных подарков. Наум (духовник Патриарха Алексия II) приоткрыл мне внутренний мир православного человека. Подкладка веры православных была ужасна, отвратительна и лицемерно прикрыта фиговым листом благочестия. Люди не хотели расставаться со своими пороками. Протоиерей Николай оказался частью этого древа. Поэтому, когда меня спрашивали в храме, православный ли я, всегда отвечал: «Только прикидываюсь». Это вызывало взрыв эмоций. Прикидывались все, а признавался в этом один.

Где-то за семь-восемь месяцев до венчания диакона Гавриила на младшей дочери Марковского, Галине, около меня стала появляться совсем юная особа лет тринадцати. В конце октября 1996 года после воскресного отпуска я столкнулся с Галиной, которая всеми силами что-то усиленно вдалбливала этой девочке, показывая на меня пальцем.

Это был стиль поведения Марковских. Его апогей. Исподтишка навязывать всем свои желания. Вначале мои веки просто опускались, но порхания ребенка продолжались и я постепенно перестал замечать всю извращенность ситуации. Глава семьи пользовался тем, что я любил службы и идти мне было некуда.

Недвусмысленные появления голубоглазой школьницы говорили лучше любых слов. Тогда я не знал, что это племянница благочинного. Ее выставила вместо себя Галина, которая не захотела выходить замуж за свободного человека. Только из-за ее специфических взглядов игумен Борис в лавре усиленно предлагал мне от имени Патриарха рукоположение в иерея-целибата. Мой решительный отказ вынудил ее выйти замуж за совсем другого человека, диакона-целибата (священнослужитель, давший обет безбрачия).

Летом 1997 года благочинный очень охотно благословил меня поехать по святым местам. Руководителями были молодожены диакон Гавриил (Агабеков) и его жена, матушка Галина, дочь Марковского. С ними поехал его близкий друг иерей Александр (Новиков). Дело душе-спасительное, но ехать не хотелось. Было ясно, что не зная обо мне ничего, благочинный и его зять решили меня толком изучить за неделю тряски в старом «Икарусе». Авось что-то и проявится. Ведь благодать святых мест порою действует как рентген.

В конце концов согласился только ради того, чтобы повидать отца Наума и Лидочку в лавре. Мне нужно было точно знать, что ждет меня в Мариуполе.

Ранним утром наш автобус доехал до стен Сергиевой лавры. В ворота вошел последним и отправился сразу в Троицкий собор. В приделе ангела старый архимандрит, духовное чадо святителя Иоанна Шанхайского, щедро делился с иереем Александром кипой новых журналов. В Мариуполе ничего не купить, забыв о приличиях, попросил и себе чего-нибудь. Старичок подает журнал «Православный паломник». На обложке царь-мученик Николай. Весь журнал посвящен царской семье.

Через мгновение на пороге появляется отец Гавриил.

– Нет еще одного? – кивая на царя, спрашивает монаха.

– Тот раскрывает перед Гавриилом совершенно пустую котомку.

– Этот был последний.

Диакон расстроился как ребенок. Если бы с книжками и подарками не ждала мама, отдал бы ему. С этого мгновения юная матушка Галина не спускала с меня глаз. В лавре преподобного Сергия просто так ничегошеньки не происходит. Уж это я усвоил в прошлые свои приезды к преподобному, но связи с семьей Марковских, журналом, царем-мучеником не улавливал никакой. Мои глаза были удержаны. О благословении Патриарха копать и рыть землю под убийством Романовых забыл, как о пустом.

Наум с ходу дал мне благословение читать акафист царю-мученику. Опустился на скамейку, открыл подаренный журнал и начал читать вслух. Слезы тотчас ручьем потекли из моих глаз. Они текли все время, пока я читал строки печального акафиста. Под конец я буквально

захлебывался слезами. Уходил из приемной расстроенным. Схимник показал мне мою жизнь. Слезы до конца дней. Знал бы, не ехал.

Через час нас собрали и вновь закинули в автобус. Отец Гавриил решил ехать на пару часов в Данилов монастырь, который славился тогда на всю Россию дешевыми православными книжками, колечками и всякой религиозной атрибутикой.

После молебна благоверному князю Даниилу Московскому и похода в книжную лавку подхожу к честным отцам и тихонько говорю:

– Всего двести-триста метров отсюда Даниловское кладбище. Оно сейчас открыто, там блаженная Матрона лежит, благословите сходить всем вместе к ней. Она очень помогает. Я знаю, где ее могила. Там всегда люди.

Ответная реакция была более чем странной. С двумя руководителями паломничества что-то случилось. Моя просьба подняла их на дыбы.

– Нет. Ни в коем случае! Кто она такая? Не канонизирована. Запрещаем идти к ней. А кто пойдет, того ждать не будем, развернемся и уедем без самовольных нарушителей церковной дисциплины. Понятно?

Очень редко, когда Матрона не пускала к себе кого-либо. И не просто не пускала, а не желала видеть вовсе. Ее реакция на батюшек запомнилась. Матрона словно предупреждала – будь осторожен! И она оказалась права.

Я чуть не заплакал. Но ослушаться не посмел. Только что рукоположенные священники запросто растоптали благословение игумена Бориса ходить на ее могилку до конца дней. Больше к ней я не попаду. В марте девяносто восьмого блаженную выкопают и растащат по частям. Синод, а затем ряд епархий озолотились на Матроне. То, что осталось, покоится в серебряной раке Покровского монастыря. Нужно кормить сотни монахинь. Вот и работает на них блаженная с утра до вечера. Торг. А без него никуда.

В Даниловом монастыре бросилась в глаза разница паломничества украинцев и русских. Первые, покидая автобус, брали в руки пакеты и сумки с провизией. Деньги само собой. Мало ли что. Вдруг детки захотят перекусить. Вторые, выходя из транспорта, держали в руках только кошельки. Никто из русских не брал в храмы монастыря съестного. Дети перебьются. Разность поведения уже дает повод жить отдельно друг от друга.

На следующий день мы приехали к «убоному Серафиму» в Дивеево. Утром нас повезли на источник преподобного. Нужно было трижды окунуться с головой. Там тоже случались исцеления. Только зашел в кусты снять мокрые плавки, как следом за мной пришла матушка Галина. Этого я не ожидал. Все это выглядело, если не бесстыдно, то бестактно. Девушка встала напротив меня и стала пристально что-то разглядывать на мне.

Она нагло изучала особенности моего телосложения. Было видно, что Галина ищет глазами какие-то, одной ей ведомые, приметы. Они что, за «наследника престола» меня принимают? Тогда я понял, что у церкви есть какие-то неопубликованные «пророчества» и они ими руководствуются.

Еще более странным было то, откуда Галина знает о них? Это «святая святых» церковного священноначалия РПЦ МП. Рядовым священникам и их семьям доступ к такой информации закрыт. Особо пристальному изучению подверглись мои ноги и живот. Чего там напророчено насчет брюха и волосатых ног «последнего царя»? Вогнав меня в краску, матушка развернулась и молча ушла, оставив меня с открытым ртом.

Вернувшись, духовнику ничего не сказал. Но когда слежка за мной приняла характер безумия со стороны благочинного, не вытерпел и после исповеди рассказал ему все.

– Батюшка! Зачем вы это делаете? – спросил у Марковского.

– Мы должны знать о вас все! – не задумываясь, с каким-то твердым убеждением, ответил мне пастырь.

Ответ сказал мне больше, чем хотел того Марковский. За этими чудными манипуляциями стояла Московская Патриархия.

В воскресенье, 31 августа 1997 года, мы столкнулись с ним буквально лбами на пороге тесной панихидной. Я знал этого человека уже два года. После благословения отца Наума читать акафист царю-мученику, книги Э. Радзинского «Николай II: жизнь и смерть», странного поведения отца Гавриила и выходки Галины, со мной что-то произошло. Посмотрев на священника, я увидел то, что до этого просто не замечал – разительное сходство с портретами и фотографиями Николая II.

Все это мгновенно промелькнуло в моих глазах. Утаить такое от Марковского было невозможно. Оторопевший священник прочитал все мои мысли. В ответ его глаза отобразили смятение человека, застигнутого врасплох. С этого дня я был обречен, а события стали развиваться стремительно. Марковский благословил меня искать другую работу. Сила его благословения была огромной. Я нашел ее за четыре часа.

В Мариупольском торговом техникуме, в котором когда-то на «отлично» учился азербайджанец-повар, ставший диаконом, а затем зятем благочинного, ушел преподаватель права. Администрация готова была взять на работу любого. Никто не хотел читать за копейки правовые дисциплины веселым студенткам. Проверив на соответствие должности диплом, вздохнув, взяли на работу. Без блата, за так, что потом всех удивляло.

Я вышел на лекции 15 сентября. Вдвоем они приготовили мне первую ловушку. Прошел месяц и обнаружилось, что получать я стал в два раза меньше, а работать не просто в два раза больше, а на износ. Еще через месяц медсестра нашего медпункта, осматривая мои руки и ноги, покрытые какими-то вспухшими пластинами, сказала: «нервный стресс на основе физического переутомления». Спал я по четыре часа в сутки.

На меня свалилось все право Украины, которое нужно было выучить за четыре месяца. В ноябре написал заявление об уходе, но остановила Шарубина, один из завучей техникума. Самое интересное, как только я попал в этот ад, духовник тут же повеселел и успокоился, видя, как уходят навсегда последние капли моего здоровья.

1998

На мою беду, ко мне стала неровно дышать одна из моих новых коллег, назовем ее Мила. Но увы! Ответить на страсть (о чувствах речи и быть не могло) замужней женщины не мог. Муж, ребенок и мама ведьма. Очкастая старуха с неприятным лицом хорошо приколдовывала. Настолько хорошо, что к старому Новому году потрава в виде открытой бутылки водки попала на стол, за которым собрались четыре учительницы и я.

– С «Коралла». Мы в воскресенье были там на стриптизе. Водку заказали, а пить некому. Пришлось уносить с собой, – со смехом заявила Мила.

После настойчивых уговоров выпил рюмку «Rasputina» в одиночку. Коллега-англичанка поморщилась и округлила от ужаса глаза. Ей было хорошо известно, как делаются из слизи и месячных адские муки для непокорных. Или в постель или на тот свет.

Одновременно с Милой в храме появилась очень симпатичная сероглазая незнакомка. Но вела она себя более чем странно.

То гребешком по моей руке проведет, то сядет на мое место, с которого я только что встал. Садясь, читает какую-то бумажку, затем кладет ее под себя. После такого сидения стульчик было не перекрестить. Руку непонятной силой выгибало по кругу вместо крестного знамения. Перекрестил его только после третьей попытки. И побрызгал святой водой. Она подошла сзади, разочарованно посмотрела на капли Богоявленской воды и прошептала: «Зачем вы это сделали?»

Не прошло и полгода, как первого июня 1998 года учитель права почувствовал очень странную и непонятную ноющую боль в животе. Через месяц живот напоминал вздутый шар, а боли стали нестерпимыми.

Тринадцатого июля во сне увидел, как к моему подъезду подъехал катафалк ликующих бесов, а в мой живот, похожий на котельную со множеством труб, неизвестный забил три блестящих металлических штыря.

Открыв глаза, почувствовал такую разбитость во всем теле, что подняться с дивана не смог. Как будто кто-то измазал меня чем-то липким, грязным и противным. Было состояние жуткой нечистоты. С этого дня мое измученное тело словно подключили к электрическому току, а неприятные, отвратительные ощущения только усиливались с каждым днем.

Я стал гореть адскими муками на Земле. Мила с незнакомкой, не получив тела, нагнали бесов вдобавок к тем, что вызвали чернокнижники. Тех жгла ненависть и обида за публичный позор колдуньи-карлицы, которую я вынес на руках из храма годом раньше. Тогда-то и открылась подлинная картина чернокнижной вакханалии в городе. Один ведьмак сменял другого, создавая нападениями бесов неизлечимую болезнь.

Та растянется на десятилетия, изуродует весь кишечник, вызовет дисбактериоз, при котором в организме больного перестают вырабатываться все витамины группы В (В1, В6, В12). Без витаминов голодной остается нервная система. Если не остановить болезнь, лет через десять человек дойдет до полного нервного истощения. Большой кишечник и голодные нервы исподволь запускают нарушение обмена веществ.

Минеральные вещества перестают поступать через лимфу в хрящи. Медленно, но верно, хрящевая ткань позвоночника, суставов начинает высыхать. На безоблачном горизонте возникает очень трудно излечимый диагноз остеохондроза. Это конечная цель постоянных приступов поносов и запоров.

Спустя пятнадцать лет после первой госпитализации в декабре 1994 года от человека по имени Олег остался только кричащий от нестерпимых болей живой труп.

– Батюшка Николай, что со мной случилось? – найдя своего духовника в гараже, выложил ему все, что свалилось на меня за два летних месяца 1998-го.

– А, это расслабление! Расслабление, Олег! – бросив все, запрыгал от радости немолодой священник.

У него было такое лицо, словно он ждал этого всю жизнь. И дождался. Лицо сияло. Меня как громом поразили. Кому горе горькое, а кому Пасха при виде того, как корчится твой ближний.

– Батюшка Николай, что мне делать? – едва опомнившись от бури радости, спросил духовника.

– Причащайтесь (Марковский всем и всегда говорит только «Вы»). Можете завтра. Поститесь один день и вычитайте правило ко причащению.

– А разве так можно, готовиться только день?

– При нападениях можно. Да я и служу завтра. Причащайтесь.

Взяв благословение, на другой день причастился в храме. Но легче мне от этого не стало. Состояние с каждым днем ухудшалось и мы с мамой стали готовиться к худшему. Именно тогда я и увидел, что меня ждет в дальнейшем.

В июле 1998 года Путин В. В. назначен директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации, одновременно – с марта 1999 года – Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации.¹⁶

¹⁶ Владимир Владимирович Путин. Биография. Официальный сайт Президента России. URL : <http://kremlin.ru/structure/president/presidents> – Просмотрено 9 июля 2017.

Последний прием батюшки Зосимы

С каждым днем мне становилось все хуже. И тогда мы решили поехать в Никольское. Особых чудес никто из нас не ждал. Хотелось услышать от монаха, как себя вести.

Приехали вечером. После службы нас отвели в частный дом. Мне предложили забраться на второй ярус нар. Там было грязно и душно. Собрал половики с пола и лег на ледяной пол. До утра не уснул.

Так Зосима показал мне, что спустя несколько лет будет ожидать меня. Выбирай: нары или ночные кошмары дома на полу. Выбрал втрое.

Семнадцатое августа 1998 года. Понедельник. Утром нас всех соборовал батюшка. Он едва ходил по рядам. Перед моим заходом к схимнику из Мариуполя позвонил Марковский. Окно крестильной открыто, телефон с усилителем и властный голос благочинного прозвучал буквально в метре от меня.

– Не говорите ему ничего лишнего!

«Зосима играет по правилам Марковского», – подумал, выходя из крестильной. Страшные дни. Я горел огнем и терзался от нестерпимых мук, которые третий месяц высасывали из меня последние силы. Мама, боясь отпустить меня одного, поехала со мной.

В вагоне электрички мне стало совсем плохо. Лег на сиденье и стал шептать побелевшими губами строки канона Кресту. За спиной кто-то из пассажиров сказал:

– Не дай Бог вот так мучиться! – меня откровенно жалели.

Внезапно глаза залило ослепительно бело-голубым светом.

– Не возьмете меня, не возьмете! – теряя сознание, шептал холодными губами.

Последнее, что видел, были руки ведьмы с длиннющими ногтями. Ногти были синего цвета, словно я попал в фильм ужасов. Она тянулась к моему горлу. Когда очнулся, под самым потолком вагона увидел батюшку Зосиму. Монах внимательно смотрел на меня.

Святитель Иоасаф Белгородский

Болезнь не поддавалась лечению и набирала все новые обороты. Каникулы кончились.

– Можете не лечить. Это расслабление, оно не лечится, – пояснил ситуацию духовник.

Пришлось в таком кошмарном состоянии выходить на работу. Наверное, во всей этой истории сентябрь девяносто восьмого был самым тяжелым. Человек вынужден читать лекции с настолько вздутыми и сжатыми воздухом кишками, что они подперли диафрагму. В области солнечного сплетения появилась четко различимая варикозная сетка. Любое движение вызывало острую боль в кишечнике. От постоянных спазмов из глаз сыпались искры. В зеркало старался не глядеть. Оттуда на меня смотрело издерганное, взвинченное до невозможности привидение.

И тут мне в голову почему-то пришло заказать три молебна в храме одному святому, так, чтобы последний молебен пришелся на день его памяти. Святителю Иоасафу Белгородскому (память 17 сентября). Заказал. На двух молился сам, а семнадцатого у меня была первая лекция у заочников, успел поставить только свечи.

Прихожу в аудиторию, еще никого нет. Сажусь на свой мягкий стул. Прошло не более минуты, почему-то руки сами полезли за обивку стула. Благо, в одном месте она оказалось слегка надрезанной. Пальцы, продвигаясь все дальше и дальше, нащупали что-то плотное. Вытаскиваю. Скомканный пакет от прокладок. Разворачиваю. Внутри одна использованная прокладка, слипшаяся от засохших месячных.

В аудитории к этому времени появились первые заочницы. Прошу зажигалку. Подают все три одновременно., Сквозь нестерпимую боль невольно улыбаюсь и ухожу в служебную комнату. Открываю окно, в мусорном ведре сжигаю находку. По всем правилам ей стореть дотла. Тут в раздевалку врывается Мила.

– О! Как мне плохо, Кот! Моя задница вся исколота. Я на нее сесть не могу. Это все из-за тебя. У меня внутри все гниет! Месяц уколов и никакого толку.

Молчу как рыба, наблюдая за тонюсенькой струйкой дыма. Хотя и понимаю, что так от колдовства мамочки Милы не избавиться. Называется эта пытка бытовой приворот. Она делает вид, что дым в ведерке ее вообще не интересуется. Стоит, не зная, что сказать. Звонок. Встаю с корточек и ухожу гореть на лекцию.

А священник знал, что говорил. Через три года мой врач-гастроэнтеролог скажет:

– Диагноз поставлен правильно, лечение назначено верно. Ты за три года выпил столько лекарств, что на них можно было без труда поднять на ноги два отделения.

Святитель Спиридон Тримифунтский

Не один святитель Иоасаф помогал мне в тот богатый на искушения месяц. После публичного сожжения Милиных прокладок мне стало еще хуже. Лекции выжимали последние силы кипящего в адском вареве учителя. Не выдерживая бедствия, свалившегося на голову, шел в церковь.

Перед началом службы обходил и прикладывался ко всем иконам. Просил только одного – убрать нестерпимое состояние огня, пожирающего внутренности. Уже не было сил терпеть. Многие в таком состоянии кончали жизнь самоубийством. Дополз до иконы чудотворца святителя Спиридона.

– Святителю добрый, помоги! Нет сил терпеть эту муку!

И вдруг я услышал голос человека прямо из иконы.

– Деточка! Мы все ходили просить за тебя. Но Бог неумолим. Ты должен терпеть!

Что тогда со мной произошло, помню плохо. Но эта неожиданное обращение к простому смертному, истерзанному наведенными на него бесами, вновь заставило меня почувствовать себя человеком. Подняло с пола. Так великие святые учили меня не опускаться перед нечистью и терпеть нестерпимое.

Пройдет девятнадцать лет и в маленьком сельском храме священник скажет мне, как он поступает в подобных случаях. Ведь делают насмерть не только прихожанам, но и служителям Господним.

– Одна старуха на предыдущем приходе кидала мне под ноги обглоданные косточки терновника. Неспроста. Запретил ей, так она под алтарь стала швырять. Не войти, вокруг терн. Хорошо! Собрал все, доехал до кладбища и закопал в могилу. Месяц спустя ее нашли повешенной в сарае.

Мой духовник прекрасно знал не только об этом, но и о многом другом. Однако он никогда не помогал рядовым прихожанам, попавшим в подобные ситуации.

– Терпите. Молитесь. Ходите почаще в церковь. На исповедь, на причастие. Живите благочестиво. Бог вас не оставит.

Всем, кому он так говорил, давно в могиле.

1999 Ильин день

Второго августа на отпуске священник неожиданно объявил, что вечером будет акафист Ильи пророку. Понедельник. Акафисты в соборе читались только по воскресным дням.

Каникулы. Боль до скрипа зубов. Искорки сыплются из глаз. Иду на акафист. Маршрут один и тот же пятый год подряд. Вдоль трамвайных путей вниз. Но у скверика решил срезать. Солнце бьет в глаза. На термометре за сорок. А там хоть какая-то тень. Несмотря на солнцепек четверо мальчишек вяло катают мяч. Дохожу до них и в это время из-за угла почтового отделения появляется человек.

Его телу около трех тысяч лет. Поджарый, если не сказать больше. Загар до черноты. На вид лет сорок восемь. Волосы с едва заметной проседью. Похож на урзуфского грека. Закатанные спортивные открывают икры, пляжные шлепанцы и футболка. Не чаял его видеть. Человек-легенда всех времен и народов. Илия Фесвитянин.

Когда я понял, кто идет мне навстречу, мнимый грек опустил глаза. Ему стало стыдно. Стыдно, что он, а не кто-то другой, свят. Он так и шел, не поднимая глаз, пока кто-то из мальчишек не запулил в него мячом.

– Ой, дядька, извини, – сказал мальчишка, подбегая за мячом.

– Та ничего, – ответил тот.

Он прошел мимо, а меня обдало холодом. Дойдя до почты и попав в густую тень, посмотрел на виднеющийся купол церкви.

– Господи, если это в самом деле Илия, сделай так, чтобы вон та машина выскочила на встречную полосу, обогнала впереди идущую и вернулась на свою полосу.

Причин для таких маневров не было.

Не успел я это сказать, как водитель одной из машин, идущих вниз, вывернул руль. Испугавшись, со встречной полосы выскочила машина, а дальше произошло просимое.

Это был Илия. Придя в церковь, на аналое увидел изображение именно этого человека. Задержался и внимательно рассмотрел. Даже волосы были его. Черные с отдельными седыми волосами. Точь-в-точь как у мужика на футбольном поле.

Эту икону больше не выносили. Потому что была греческого письма и на плохой бумаге. В интернете просмотрел тысячи икон пророка, но все они были чистым пиаром. С картинок на меня глядели несуществующие дяди с рачьими глазами под копнами седых волос.

С 9 августа 1999 года Путин В. В. Председатель Правительства Российской Федерации.¹⁷

¹⁷ Владимир Владимирович Путин. Биография. Официальный сайт Президента России. URL : <http://kremlin.ru/structure/president/presidents> – Просмотрено 9 июля 2017.

Одиннадцатое августа (Затмение)

Спустя неделю болезнь вспыхнет с новой силой. С этого дня из меню выпали свежие овощи и фрукты. Помидоры, съеденные вечером, на утро вылезли в нетронutom виде. Нестерпимые боли стали наказанием за любую попытку проглотить живой плод на долгие годы.

Одиннадцатого числа меня переселили на выжженную планету. Тринадцать лет все живое будет пролетать мимо моего рта во избежание летального исхода. Исход показала мой доктор, сводив на экскурсию в одиночную палату гастроэнтерологического отделения.

– Два месяца капаем до трех литров в день. Без них полное обезвоживание. Она уже не ест с полмесяца. Не поднимается. Все, что попадает в нее, тут же вылетает наружу. Смотри на то, что ждет тебя в ближайшем будущем.

– И сколько ей осталось?

– Три недели.

– А причина?

– Олег, спроси что полегче. Она к нам попала такой. Лечению не поддается. Слишком ослаблена.

Утром я пришел из собора, но легче мне не стало. Измученный расстройствами, свалился от нечеловеческой усталости и заснул. Была четверть двенадцатого, когда внезапно стало темнеть. Я лежал на диване и смотрел на кусочек неба между девятиэтажками. Внезапно наступила такая тишина, что даже птицы не посмели ее нарушить. Луна медленно заслоняла собой солнце. Тень побеждала свет. Полумиллионный город погружался в сумерки. Я закрыл глаза.

В это мгновение кто-то перенес меня далеко от дома. Передо мной было здание этажей в восемь современной архитектуры на окраине южного города. Качество на отлично охраняемой территории. За эти несколько секунд успел хорошо его разглядеть. Все окна были наглухо закрыты. Их обрамляли металлические формы. Чего-либо похожего на это, отдельно стоящее здание, рядом не было.

Дальше я оказался внутри. Коридор с искусственным освещением, в котором были только двери. Подчиняясь неведомой силе, которая с неземной легкостью перенесла меня далеко от дома, вошел, не открывая двери, в одно из помещений.

Это была лаборатория площадью метров сорока пяти с замкнутой подачей воздуха. Он подавался полностью стерильным по металлическим трубкам, которые шли под потолком. Множество труб, шлангов и трубочек были скрыты за обшивкой потолка. Ни одной болезнетворной бактерии или вируса в нем не было. Теперь я видел окна лаборатории изнутри. Они пропускали свет, но были полностью вакуумными. Пробить такое стекло составит проблему. Я стоял рядом с дверью полностью стерильного и изолированного от внешнего мира помещения.

Осмотревшись, увидел наиновейший, ультрасовременный операционный стол. На нем лежала совсем молодая женщина. Но толком разглядеть что-либо было невозможно. Ее окружали люди в скафандрах, похожие на те, которые применяют эпидемиологические врачи. Их лиц я не видел. Они были под стеклом.

Все, что можно было понять, в операционной только что прошли роды. Из ее чрева был извлечен ребенок. Кесаревым сечением. Причем врачи сделали все возможное, чтобы половые органы не принимали в этом никакого участия. Девственность этой женщины не была нарушена. Кесарево сечение лишь завершило искусственное введение мужского семени девятью месяцами ранее. От этой женщины исходило состояние нечистоты. Внешне она была красива и, может, для кого-то привлекательна. Чистокровная еврейка.

Спустя мгновение я вновь очутился на своем диване. Полностью разбитый и больной.

В обед, собрав последние силы, доехал на вечернее богослужение. Мимо меня в храм прошел благочинный.

– Похоже, антихрист родился, – этой мыслью в глазах поделился с духовником.

От неожиданности тот дернулся, повернул голову и в ответ я прочел в его глазах явное пренебрежение и неверие.

– Откуда вы знаете? – и не останавливаясь, прошел в алтарь.

То же самое, что увидел я своими глазами, снял Стэнли Кубрик в своей последней работе «С широко закрытыми глазами» (Eyes Wide Shut, 1999). И умер через четыре дня после монтажа ленты. Четыре дня хватило, чтобы отправить его на тот свет сердечным приступом. Точно, как это происходило в его фильме с Аmandой Каррен (Мэнди) и Ником Найтингейлом (пианист). Не страшно, что они знали об этом, страшно что они рассказали об этом всем. Но о реальной правде этого фильма никто и словом не обмолвился. Забытый фильм о будущем, которое придет к нам с операционного стола другого Вифлиема.

Впоследствии именно этот день церковного календаря владыка Иларион (Алфеев) пытался дополнить еще днем рождения Николая Угодника. Мол, по преданию, он в этот день родился на свет. Вначале удача улыбнулась начинанию молодого епископа.

В 2004 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II празднование Рождества Святителя Николая было возобновлено. Был составлен тропарь и кондак праздника рождества святителя наподобие образца сохранившейся церковной службы времен патриарха Никона (1657).

Прошло четыре года. Умер Патриарх Алексий II. Новый Патриарх и Синод РПЦ МП не поддержали инициативы энергичного архипастыря. В православном календаре после 2010 года нет упоминания о дне рождения Николая Чудотворца.¹⁸ Как нет упоминания памяти трех волхвов на Рождество Христово. Их вычеркнули из святцев Московской Патриархии.

Теперь все давным-давно забыто. Как и солнечное затмение 1999 года. Только родина моих предков, впечатлительная Румыния, выпустила в честь торжества луны над солнцем банкноту номиналом в две тысячи лей.

¹⁸ Русская Православная Церковь. Православный церковный календарь на 2016 год. URL : <http://calendar.rop.ru/mes1/jul29.html> – Просмотрено 22 ноября 2016.

Дуэль

За несколько дней до ухода Ельцина с поста Президента я очутился между рядами книжных стеллажей. В моих руках была боевая шпага. Настолько тяжелая, что я едва держал ее в руке. Поразил набалдашник эфеса. Его украшал гигантский, больше голубинового яйца, бриллиант чистой воды. В долларовом эквиваленте миллионов шестьдесят. Серебро шпаги ничего не стоило по сравнению с ним.

В проходе показался человек. Его лицо было маской. Оно ничего не выражало. Но шпага в его руках имела силу кувалды. Вначале мне показалось, что бой идет на равных. Узкие коридоры книг вызвали усталость. Миллионы книг и бесконечный поединок с соперником много сильнее меня. Проснулся в тот миг, когда понял, что проигрываю. Бриллиант во сне – перемены. Больше той боевой шпаги я никогда не видел. Наверное, ее отдали другому.

С 31 декабря 1999 года Путин В. В. Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации.¹⁹

¹⁹ Владимир Владимирович Путин. Биография. Официальный сайт Президента России. URL : <http://kremlin.ru/structure/president/presidents> – Просмотрено 9 июля 2017.

2000

Храм, в который ходило полгорода, был освящен 23 января 1993 года. Он долгое время считался самым большим из вновь построенных храмов Украины. С ним связано одно, еще не исполнившееся пророчество схимника Зосимы (Сокура) из Никольского. Летом дверь его крестильной неожиданно открывается, он уверенно подзывает к себе женщину средних лет.

– Ты, случайно, не из Мариуполя?

– Да, – подтверждает та.

– Из Никольского собора на Новоселовке? – допытывается хитрющий монах.

– Да, полы там мою, – соглашается с ним Анна, старшая на полах.

– Храм-то построили? – задает свой новый вопрос Зосима.

– Построили, – подтверждает та.

– Так передай батюшке Николаю, я его очень люблю, что последнюю панихиду в своей жизни он отслужит в подвале этого храма.

Услышав жуткое предсказание, спрашиваю:

– Ань! Ну и чего? Передала слова Зосимы батюшке Николаю?

– Ну да, передала – кивает раба Божья Анна.

– А он чего? – не унимаюсь я.

– Ничего. Молчит, как всегда, – округлив глаза, подвела итог Анна.

Подвал отца Николая каким-то образом перекликается с подвалом Ипатьевского дома, забравшего жизнь его царственного деда, а еще раньше с подвалом церкви Вознесенья в селе Коломенском. Там 15 марта 1917 года крестьянка Евдокия Андрианова отыскала икону, за которую настоятеля прихода Николая Лихачева и ее саму расстреляют в 1942 году.

Такие вот подробности вплетались в годы кропотливой и изнурительной работы над детальной, построчной работе с текстами «признаний», интервью, переписки, воспоминаний убийц и организаторов убийства семьи. Этот анализ текстового материала растянется на много лет. Тысячи фрагментов сказали мне главное: ни одно из этих «признаний» не имеет отношения к Марковским и его родителям – матери Екатерине и отцу Трофиму. Они не прошли Екатеринбург. Все прямые потомки царя и царицы вместе с ними и верными слугами были убиты в подвале дома инженера Ипатьева.

Понимал это и сам мариупольский Романов.

– Они все погибли, – сказал он мне в ответ на слова о возможности их спасти.

Удивительное дело – этот священник, обладавший прекрасным сильным голосом, во время заупокойных литургий в алтаре никогда не произносил вслух имена своих бабушек и дедушек. А они были. Перед их синодиком голос у батюшки непонятно почему пропадал.

Так кто же была его бабка по линии матери? Со списком следователя Соколова сравнивались сотни, если не тысячи женщин. Но ни одна из них не открыла дверь к альковной тайне рождения его матери, Екатерины.

И только вырвавшись из Мариуполя в 2014 году, в Шуе, анализируя все материалы, которые смогли найти местные краеведы, пришел к окончательному выводу: мать последнего ребенка Николая II была убита на ступеньках Воскресенского собора города Шуи 15 марта 1922 года.

Дед и внук

Чем больше я погружался в океан тайн погибшей семьи, тем все чаще и чаще находил явное сходство между Николаем Александровичем Романовым и Николаем Трофимовичем Марковским.

Во-первых, внешность и физиологические признаки. С полным основанием можно сказать: лица людей самой близкой степени родства. Идентичность пластики, цвета глаз, костного строения черепных коробок. И император, и его внук имеют еще одну, хорошо описанную медицинскую особенность – плохие зубы. Мосты у обоих, причем в одних и тех же местах. Стоматологическая карта является важной составляющей при установлении родственных признаков. У обоих залысины, переходящие в ярко выраженное облысение, аккуратные бородки. Рост, как по заказу, одинаков. Совсем забыл, жесткие рыжеватые волосы на пальцах рук у обоих Николаев. Правда, царь любил спорт и был очень хорошо развит физически.

Поражает манера обращения с людьми священника Николая. Со всеми подчеркнуто вежлив, всем и всегда говорит только «Вы», никогда никакой фамильярности, панибратства, не повышает голоса.

Точно таким запомнили покойного самодержца все те, кому довелось с ним общаться. Но за внешней безукоризненной воспитанностью царя скрывалась врожденная подозрительность, недоверие, страх перед незнакомыми людьми, злопамятность и мстительность, переходящие в патологические формы. Его первый воспитатель и учитель английского англичанин Карл Осипович Хис (Charles Heath, 1826—1900) отмечал черствость, равнодушие к чужой боли и даже жестокость наследника престола. Признаваясь в этом самым близким людям, этот, добрейшей души, человек был в ужасе от увиденного.

Если царь сталкивался со стихийным лидером, он впадал в необъяснимый страх. Страх вызвал панику. Паника – истерику, которая заканчивалась только после уведомления доверенного лица об устранении того, кто встал поперек горла «вежливому» государю. Многие в его правление исчезали бесследно, были отравлены, как генерал-майор граф Орлов, заподозренный в неравнодушии к царице.

Точно так, как вел себя покойный государь, ведет себя внук. Все те же черты характера, над которыми возвышается патологическая подозрительность и недоверие к людям. При Николае II политический сыск достиг полного маразма: жена шпионила за мужем, священство превратило исповедь в конвейер по сбору информации, полиция следила за жандармами, жандармы за полицией, а актрисы за всеми верноподданными Российской империи. Точно такой же сыск и погоня за информацией процветает во владениях внука царя.

– Меня не интересует, сколько ты квадратных метров вымыла сегодня в храме. Меня волнует, сколько ты смогла собрать информации за день. Поняла? Можешь идти.

Так частенько говаривала своим подчиненным уже покойная Екатерина Григорьевна, бухгалтер, неофициальный староста и правая рука протоиерея Николая. Постоянное участие в оперативно-розыскной деятельности на территории собора незаметно превратило ее в «чудо-вище из Розовки». Может, только поэтому она умирала от рака груди долго и мучительно, замучив себя, своего благодетеля и прихожанок.

– Что сегодня сказала матушка на пятиминутке? – спросила техничка храма Елена Ангелину, свечницу в панихидной.

– А что она тебе нового скажет? Нам приказано следить за вами, а вам за нами.

Услышав такой отзыв, чуть не рухнул с лавки. Меня душил смех. Даже прислуга смеялась над безумием благочинного. Потом частенько вспоминал и повторял вслед за ними: «Нам приказано следить за вами, а вам за нами»!

Но это была только верхушка айсберга. Вокруг кафедрального собора святителя Николая с начала девяностых было наткано с десятков видеокамер. Один человек в сторожке всегда находился у черно-белых экранов, не спуская с них глаз. Причем со временем подозрительности батюшки стало этого не хватать и все деревья возле корпуса были вырублены – мешали обзору.

Чем дальше простиралось фантастическое недоверие священника, тем все чаще и чаще в хозяйстве отца Николая стали пропадать деньги. Кражи очень крупных сумм стали периодическим и банальным явлением. Чаще всего крали свои в доску, ближний круг, реже заезжие гастролеры. Деньги ведь всем нужны, а отец Николай традиционно платит своей прислуге сущие копейки, как и его венценосный дед.

Скажи своему духовнику в глаза единственную причину этого Божьего попущения, он бы убил меня руками своих бесчисленных доброхотов. «Кто плохо о людях думает, у тех деньги пропадают» – еще в IV веке подметил святитель Василий Великий.

Огороженный прекрасной изгородью храм представляет из себя крошечное королевство, в котором до недавнего времени был даже начальник собственной Его Высокопреподобия разведки. Точнее, начальница Людмила Степановна Шпак, в молодости занимавшая должность главы особого отдела Челябинского ядерного центра.

Была она под стать своему аристократическому шефу. Ее дедушка принимал непосредственное участие в судьбе последнего царя в марте 1918 года. Звали его Дмитрий Хохряков (1893–1918). Матрос Балтийского флота. Устанавливал красную власть в Тобольске, затем конвоировал последнего царя. За три недели до своей смерти отдал приказ утопить епископа Тобольского и Сибирского Ермогена (Долганева) и священника Петра (Карелина) в реке Тура, предварительно забрав выкуп за них (10 тысяч рублей) и ограбив пленных до нитки. Погиб смертью храбрых в том же восемнадцатом году на станции Крутиха. А похоронен в Перми.²⁰

Это было похоже на злой рок. Словно бельмо из прошлого, внучка жестокого матроса терзала и мучила окружающих в угоду недоверчивому внуку императора. Стальная нить, связавшая купеческий Тобольск и пыльный Мариуполь, добралась и до меня, но объяснения этому не было. В Тобольском доме на улице Свободы жила какая-то неразгаданная тайна.

От единственного ребенка Хохрякова, девочки, родилась эта удивительная особа с голубыми, как у деда, глазами. Унаследовала она его улыбку и веселый нрав. В девичестве носила его фамилию. Выгодно. Внучка известного революционера.

Однажды в раннем детстве наглая муха заползла в левое ухо Людочки. Пока хватились, ребенок пальцем протолкнул ее далеко внутрь. Ухо воспалилось и стало гнить. Врачи остановили воспаление, но девочка стала глухой на левое ухо. Так и привыкла поворачиваться ко всем правой стороной тела.

Как оказалось, знамение было не случайным. Вся дальнейшая жизнь Людочки будет связана со слухами, сплетнями, пасквилями, грязным людским бельем и доносами. А сбор информации станет для нее высшим наслаждением и смыслом жизни.

У своего последнего в этой жизни шефа, Марковского, Людмила Степановна будет появляться строго по пятницам. Ее появление с папкой под мышкой будет наводить ужас на всех работников храма – от низших до высших, включая Катерину Григорьевну и Веру Николаевну.

– Олег! Хоть ты ей ничего не говори, она же все тащит наверх, – стонала «старшая» Вера Николаевна.²¹

После любых конфликтов и чепе на территории собора, Людмила Степановна грамотно и очень профессионально проводила опрос, допрос и спрос, не забывая ни одного из участников

²⁰ Сайт: Памятники Перми. Это странное место. Хохряков. https://kdp.ucoz.ru/publ/perm/pamjatniki_permi/khokhrjakov/2-1-0-26.

²¹ Кабинет протоиерея Николая (Марковского) находится на втором этаже служебного корпуса.

конфликта. А прихожанам, от всей души помогавших «рабе Божией Людмиле», и в голову не могло прийти, что вся ее бурная деятельность, копирующая деятельность милиции, особых отделов армии, разведки и прокуратуры одновременно, уголовно наказуема (от трех до пяти).

За неделю, сидя на телефоне, обзванивая всех и вся с утра до вечера, никуда не выходя из дому, она умудрялась наловить столько грязи, что Марковский мгновенно успокаивался, слушая «важную информацию». Фактически, Людмила Степановна под видом сыщика стала домашним психотерапевтом.

Роднит деда и внука еще одна, удивительно совпадающая, линия поведения. И царь Николай Александрович и его внук не чураются благотворительности в самом лучшем смысле этого слова. Царь помогал вдовам жандармов и полицейских, сыщикам и филерам, платил карточные долги своих офицеров. Морально выручал власть предержавших в трудных ситуациях, например, открыл клуб гомосексуалистов в Киеве. Но когда дело доходило до простого люда, прихлебалы-библиографы молчат, как воды в рот набрав. Писать, умиляясь милосердию государя, было не с чего.

Марковский помогал и помогает многим. Одной старухе в старом городе, за улицей Артема, построили заново маленький, но добротный домик только благодаря его стараниям в 2003 году. Одиноким женщинам, работавшим в храме, чинил крыши, делал ремонты в квартирах, не жалея денег. Потом эти квартиры по завещаниям старушек, боящихся ада и вечных мук, перейдут в руки благочинного.

Через положенные полгода в «Мариупольской недвижимости» они будут выставляться на продажу партиями. Деньги, деньги, деньги. Много доброго делает этот батюшка в тайне от многих. На операции деньги давал и просил за десятки людей, устраивая их на работу. Всего не упомнишь, так много доброго сделал и делает этот человек. Но и на пророка бывает проруха.

Небесные гости

Подходит ко мне однажды голодный мальчик и просит есть. Все дело происходило в соборе святого Николая, где с ноября 2001 года стоял на подсвечнике блаженной Ксении Петербургской. Стоишь, службы не пропускаешь. Огарки выносишь, подсвечники драишь, лампадки гасишь после отпуска.

– Дядь Олег! Дядь Олег!

– Ну чего ты орешь?

– Дядя Олег! Я есть хочу!

– Есть хочешь? Иди к батюшке Николаю. Видишь, стою на подсвечнике. Поэтому благовословили завтракать на кухне каждый день, а я туда не ходил ни разу. Скажи ему, чтобы тебя покормили вместо Олега. Понял? Дуй на кухню.

Обычно такое поведение у священства называется «быть добреньким за чужой счет» и вызывает дружный приступ желчи.

Мальчик, у которого еще две сестренки, уходит. Пока его нет, шарю в своих карманах. Пусто. Служба кончилась, свечка поставлена, молебен заказан, денег нет. Прошло не более двух минут. Подходит знакомая прихожанка, сует мне три вареных яйца. Улыбается, просит взять, хотя знает, что я ничего не беру. Скрипя сердцем, взял почему-то одно яйцо. Прошло еще минут семь. Возвращается мальчик. Смотрю на него с интересом.

– Ну, нашел ты батюшку?

– Ага. Да только там толстая тетка с ним была. Жирная такая. Я кушать прошу, а батюшка отвернулся к стене и молчит, как глухой. А она на меня как вывернется и говорит: Да ты что, нам самим тут нечего есть. Иди отсюда. Мы тут все голодные ходим.

– Так и сказала? – не веря собственным ушам, переспросил его.

– Так и сказала. А сама стоит и смеется, – подтвердил мальчик.

Гляжу, на глазах у мальчика выступили слезы.

– На вот тебе яйцо.

Кладу ему яйцо в руку. Мальчик просиял и его как ветром сдуло. Прошло минуты три. Прибегают две его маленькие сестренки и кричат.

– Дядя Олег! Мы есть хотим!

Развожу руками, ища глазами ту старуху, а ее и след простыл. С досады чуть не плачу. Ну почему я, скот безмозглый, не взял три яйца вместо одного?

С этой кухней, находящейся рядом с панихидной, были связаны еще несколько встреч нужды и черствости.

Где-то в мае девяносто шестого у нас в храме появился новый батюшка, отец Владимир. Сижу однажды в воскресенье и жду его с трепетом. А тут как раз поминки по работнице храма. Собрались все свои да наши. Вошла Вера Николаевна, бывшая когда-то церковной старостой и подружка той «жирной» старухи. Увидев меня, улыбнулась и говорит:

– А чего это ты не за столом? Ты же наш, свой. Иди помяни со всеми. Там и место есть.

– Да нет, Вера Николаевна. Я не ваш.

А сам про себя думаю: «И уж точно не свой!»

Улыбаюсь в ответ, но за стол не иду, понимая, что у половины рты перекосит и борщ прокиснет только от одного моего вида. Гривну на поминки я не давал.

Тут в дверь входят три человека – женщина и двое мужчин. Они встали напротив двери, ведущей в кухню и вид у них был просящих покушать людей. От них исходило такое умиротворение, какое обычно исходит от чудотворных или намоленных икон. Явное несоответствие внешнего и внутреннего заставило меня невольно взглянуть на бедно, но очень чисто одетых людей.

Изнутри они были точно неземные. Как глянул на них, так и забыл, зачем пришел. Царство небесное, хоть сажей измажь, хоть помоями облей, все равно останется Царством Небесным! А с кухни, словно что-то учуяв, выплывает Катерина Григорьевна.

– Нет ли у вас трех кусочков хлеба? – обратилась к ней женщина, от которой исходила удивительная тишина.

– Да откуда у нас хлеб? Нам и самим-то есть нечего, – выкатив глаза, отвечает ей батюшкин бухгалтер.

Только успела она это сказать, распахивается настежь кухонная дверь и красный от натуги Андрей, брат диакона-азербайджанца, тащит огромную кастрюлю, набитую с верхом румяными и аппетитными пирожками.

– Андрей, гони их в шею! Чего они здесь ходят? Нам и самим есть нечего. Гони их! – напустилась на него возмущенная Екатерина Григорьевна.

Не успел я опомниться, как проворный азербайджанец ставит в углу панихидной кастрюлю пирожков, и набрасывается на троих нищих, попросивших кусочек хлеба.

– Вываливайтесь поживее. Ну, кому я сказал... – не дожидаясь, стал хватать их за руки и тащить к выходу. Последней ушла эта удивительная женщина, на ходу еще раз прося Андрея.

– Подайте хоть кусочек хлеба!

– Ты что, плохо слышишь? Нет у нас хлеба, мы сами все голодные.

И с этими словами вытолкал женщину-тишину на церковный двор.

Ни живой ни мертвый сажу в углу как молью побитый. Ну и поминки. Нищих выгнали в шею, а сытых накормили!

– Олег, бери пирожок, – вновь появляется Вера Николаевна. – Бери, хоть пирожком помянешь.

– Спаси вас Господи, – встаю и направляюсь к выходу. – В следующий раз. Батюшки все равно нет.

А третий случай произошел после слов благочинного, сказанные им на воскресной проповеди.

– Мы кормим всех, – сказал громко, на весь храм, батюшка.

Прошло два дня. Во вторник после молебна ко мне подходят два долговязых юноши и спрашивают:

– Мы с дороги, не ели сутки. Нас здесь не могут покормить?

– А как же! Могут. В воскресенье батюшка Николай сказал на проповеди, что они кормят всех. Идите и попросите их. Знаете, где столовая?

Видя, что они никогда не были на нашем приходе, взял их под руки и вывел из храма, показав куда идти. Прошло минут десять. Ребята приходят обратно.

– Покормили?

Мотают мрачно головами. Нет. Иду вместе с ними прямо в столовую. В столовой повара говорит:

– Нет-нет. Нам строго-настрога запретили кормить чужих.

Тут появляется батюшка Николай. Наши взгляды встретились. Он опускает глаза и быстро говорит:

– Мы их покормим. Покормим.

Молча выхожу из столовки. 2008 год. После каждой такой выходки мне словно ледяной воды за шиворот выливают. И фотографируют. В 1997-м первые вспышки засверкали у священников собора – Кирильченко, позже у Новикова. Кирильченко эта затея была не по душе и он тут же признался, кто его заставил. Новиков от стыда опустил голову и сказал:

– Не снял. Поломался или батарея села.

Затем к ним присоединились «финны» (Воскобойниковы). За священником Николаем Воскобойниковым, служащим в Финляндии, старшая дочка Марковского, Таисия, Те нажимают на фото и на видеосъемку одновременно.

Все чаще и чаще «финны», отдыхающие летом на море в Мариуполе, терзают меня тем, что насильно снимают во время причастия. Один раз это знакомая финская журналистка, отдыхавшая вместе с ними. В другой раз бешеным прыжком вылетел из алтаря сам протоиерей Николай Воскобойников – вспышка – снято.

Он просто изводил меня своим фотоаппаратом, охотясь во время службы.

– Батюшка Николай! Вы меня за пять лет наснимали на целый фотоальбом. Подарите хоть одну!

«А в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя». Спустя много лет до меня, наконец, дойдет, зачем меня так часто увековечивали на фотопленку.

Подрастает старший внук, Константин Владимирович Марковский. Он очень похож на акварели юного Александра Николаевича, старшего сына Николая I. Практически одно лицо. И вновь гены. Неожиданно для всех Константин решает идти учиться не в семинарию по стопам деда и отца, а поступать на юридический факультет. После получения диплома разочаруется и вновь неожиданно для всех поступит в Одесскую семинарию.

Точно так однажды поступил и молодой гвардейский офицер, наследник-цесаревич, записавшись на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. А незадолго до революции предложит Священному Синоду свою кандидатуру на место Патриарха, вызвав у последних окаменение – курящий, играющий в карты и вертящий спиритические тарелки, патриарх.

Как-то разглядывал в Интернете сотни фотографий Елизаветы II, королевы Великобритании. И вдруг меня ужас пробрал: словно кто-то по ошибке поместил туда фото юной Галины Агабековой (Марковской), так молоденькая королева была похожа на свою полукровную племянницу. Фактически одно лицо. Проверил источник. Английская фотография середины сороковых.

Есть еще одна, характерная не для Николая II, а его брата Михаила, страсть к автомобилям. Автопарк великого князя насчитывал более ста, роскошных до умопомрачения, лимузинов. Лучший по тем временам в Европе.

Завидев у знакомых иномарку, терял сон и покой, пока на пару дней не получит ключи от машины. Он наездил на них не сотни тысяч, а миллионы километров. Куда там Михаилу.

Из круга продавцов подержанных иномарок еще в далеких семидесятых у батюшки появится закадычный друг, Виталий. Долгое время именно он будет обеспечивать тест-драйв благочинному. Потом появится зять-финн, предприниматели, знающие о неравнодушии «автопопа».

Я и сам неоднократно видел, как по центру города разъезжает на очередной «чужой» невозмутимо кайфующий батюшка Николай.

Аристократа всегда выдает тяга к добротным, элитного качества, вещам. Есть такая черта и у батюшки Николая. Именно им он и отдавал предпочтение еще во времена советского застоя.

Однажды всем известный в храме пропойца Вовка Горохов похвастался мне новыми часами. Взяв их в руки, ахнул. Двадцать семь камней, высший класс точности, бесшумный ход и многое другое. Такие часики в советские времена производились мини-партиями, были точными копиями механизма швейцарских омега, поэтому на прилавки, а также торговые базы, не доходили. Прочитай это кто-то из семьи, скажут:

– Он лжет. Часы и вправду были, но их батюшке подарили.

Я осмотрел их. Дарственной гравировки на них не было.

– Где ты их взял?

- Марковский подарил.
- А, Горох, все равно промутишь...
- Отдай, не твое дело.

Часы с уважением запомнил. Глянул на ремешок. Не для таких часов. Подарил Горохову стальной браслет. Батюшка часы, духовное чадо браслет. Спустя полгода Горохов часы пропил без зазрения совести. Вместе с браслетом. И в ответ получил от меня шутовской удар детским стульчиком выше локтя.

Еще через какое-то время Бог посетил Гороха. Именно на месте удара появилась опухоль. Кривясь от злобы, боли и досады, Горох орал благим матом.

- Это ты меня тогда ударил. Ты, с-сука. Я помню. Это только из-за тебя у меня рак.
- Пить надо меньше, урод. И притворяться.

Еще через полгода его не стало. А я открыл счет странным и, скажем так, нелепым смертям. Все умершие при жизни были хорошо знакомы с бабушкой или хотя бы раз контактировали с ним. Многие из них получали от него скромные подарки и большинство очень любило его.

День святого Евфимия Великого

Память преподобного Евфимия 2 февраля (20 января ст. стиля). Много непонятного для меня было в поведении батюшки. Ну, например, почему именно он и только он, даже если не его черед, служит в этот день торжественную полиелейную службу. Особенно странно выглядело это в понедельник, когда в храме служитя только молебн Пречистой. Из года в год, стоя на подсвечниках, наблюдал как отец благочинный отбирает службу у служащего по очереди и служит сам. Да так трепетно, возвышенно, словно он, раб Божий Николай, задолжал этому, мало кому известному, святому. В 2009-м я не вытерпел и спросил об этом прямо на отпусе. Батюшка страшно побледнел и ничего не сказал.

Через десять дней после той службы меня самого свезли в палату для умирающих. Наверное, чтобы поменьше задавал бестактных вопросов. Прошло три с половиной года. На день ангела службы в церкви не было и я поехал причаститься на Левый Берег. Не заходя в храм, сворачиваю к кладбищу. Оно было всего в одну могилу. Подошел к кресту, перекрестился. Читаю: протоиерей Леонтий (Устименко) 02. 02. 1967 – 25. 09. 2011. От неожиданности как током ударило. День памяти святого Евфимия был днем рождения благочинного Левого Берега.

Отчасти я знал, как это делается. Если ты сможешь вымолить благосклонность святого, в день памяти которого родился твой обидчик, его смерть будет ранней, скоротечной и ужасной. А отец Леонтий, царство ему небесное, был 100 % обидчиком Марковского. Именно он и никто другой оттяпал у благочинного половину его владений, создав свою «королевскую рать» из священников, на дух не переносивших отца Николая.

– Лакомый кусочек, – с утробным стоном сказала мне Екатерина Григорьевна.

Задолго до этого, в 1996-м, заручившись помощью Марковского, Устименко выгонит на улицу несчастного батюшку Николая (Щелочкова). Так в нижнем храме собора появится настоятель 29 лет от роду.

Собор Поживанов, мэр города, достроит и это разбудит аппетит молодого батюшки. К этому времени его старший брат Петр уже стал благочинным города Донецка и его влияние на владыку Илариона было огромным. Вначале отошел от рук Марковского Левый берег, затем Ильичевский район. Время шло. Где-то в 2005 году стали поговаривать о онкологии молодого священника.

За год до смерти батюшки Леонтия у меня дома стала мироточить икона Иверской иконы Божьей Матери. Подарок отца Леонтия. В октябре 2010 года икона замироточила в трех местах. Затем в марте, последний раз в сентябре 2011 года, из главы Архангела Михаила истекла тонюсенькая струйка. Спустя две недели батюшки Леонтия не стало. Сиротами остались пятеро детей.

В сентябре 2013 года, незадолго до войны, ко мне подходит знакомая прихожанка. Разговорились о Татьяне. Оказалось, лежит в мариупольской онкологии. Все ее очень жалели за добрый, ангельский нрав.

– Откуда вы это все знаете? Нам на приходе никто ничего не говорит. Думай, что хочешь, где она и что с ней?

– Заведующая отделением моя старинная подружка. Да вот, на днях была у нее в гостях. Как-то разговор перешел на отца Леонтия.

– А разве он лечился у нее? По-моему, его оперировали и лечили в Донецке. Там брат и владыка, могли подсуетится.

– И там и в Мариуполе. Только после смерти батюшки по всем гистологическим пробам стало ясно – у него было три разных, не связанных друг с другом, формы рака. Букет смерти. Лечению не поддается. Лечили, в лучшем случае, один вид. А два остались в тени и делали свое дело, меняя картину болезни. И думаю, родные отца Леонтия до сих пор не знают об этом.

Ее слова поставили все на свои места. Два последних вида рака это два района, оторванные у Марковского против воли Божьей. А первый – выгнанный взашей протоиерей Николай Щелочков.

Но даже три вида опухолей не изгладили всех грехов Устименко. Глубокой июльской ночью 2014 года попали в автокатастрофу два старших сына покойного. Старший погиб мгновенно, младшего без сознания свезли в реанимацию. Было это под еще курортным Новоазовском. Что делали ребятки ночью и кого они везли на заднем сидении, догадывайтесь сами.²²

²² В трагическом ДТП под Мариуполем погиб 17-летний сын настоятеля храма Архистратига Михаила. 28. 06. 2014. Сайт города Мариуполя. URL : <https://www.0629.com.ua/news/565344> – Просмотрено 26 июня 2017.

Никогда не бери в долг

К Марковскому всегда просились в услужение молодые ребята. Прислуживать в алтаре. Насколько мне известно, он почти никогда и никому не отказывал. Даже чернокнижникам – Вячеслав или Славик-волхв благополучно отслужил три года и только после этого благочинный выпер его на улицу.

Но эти проделки начались после того, как моих глаз уже не было на приходе. Можно было отрываться по полной. Экспериментировать. На нем же не написано: «Ведьмак на шабаше». Нет, не написано. Пусть служит.

А если планы юных чад простирались дальше, охотно давал им рекомендации для поступления в семинарию. И, разумеется, благочиние все четыре, или больше, года, платило за них. Подразумевая, что окончив обучение, молодые выпускники вернутся домой, на приходы. Но возвращаться в пыльную и грязную кочегарку хотелось не всем.

Толик

Духовно он тянулся к диакону Гавриилу. Через него он стал певчим, затем чтецом. Так незаметно, возрастая из возраста в возраст, он решил, к изумлению многих, стать батюшкой. Поступил в Одессе. Учился хорошо, оставили преподавателем. Женился на дочери тамошнего благочинного. Квартира в приданое. Иереем стал без проблем. Преподавал историю философии в семинарии, служил. Нес несколько ответственных послушаний. О том, что по правилам халявного обучения, за которое он не платил ни копейки, должен был вернуться домой, не вспоминал.

Бог Сам взыскал приходские деньги. Декабрьским днем, отслужив и причастившись в алтаре, поехал по вызову на причастие. Все произошло мгновенно. Лобовое столкновение. Навстречу хлипкой машинке, в которой ехал батюшка, на красный свет вылетела иномарка. От водителя не осталось ничего целого. Иерей Анатолий, 24 лет от роду, погиб мгновенно. В белом седане мчался делать предложение руки и сердца сын прокурора города. Был подшофе.²³ С огромным букетом роз.²⁴

В Интернете до сих пор можно прочитать телеграмму благочинного. Далее цитата.

МАРИУПОЛЬ ОДЕССА Выражаем в адрес Одесской духовной семинарии, преподавателей, учащихся, родных и близких глубокое соболезнование, по поводу трагической гибели преподавателя, священника Анатолия Мурыгина. Его светлый образ, духовное, интеллектуальное развитие и всецелая преданность служению Богу и Его Святой Церкви, являются характерными особенностями его личности в памяти священнослужителей кафедрального собора города Мариуполя, певцов и прихожан. Он оставил глубокий и неизгладимый след. Вечная ему память и вечный покой. Да вселит Господь душу его в селениях праведных. **БЛАГОЧИННЫЙ МАРИУПОЛЬСКОГО ОКРУГА ДОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ, ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ МАРКОВСКИЙ. 5.01.2009.**²⁵ Через сорок дней после той телеграммы дойдет черед и до меня. Но я выживу и напишу об увиденном книгу.

²³ Сайт Таймер. Новости Одессы. В смерти одесского священника виновен работник прокуратуры. URL : http://timer-odessa.net/news/V_smerti_odesskogo_svyaschennika_vinoven_rabotni.html – Просмотрено 10 августа 2017.

²⁴ Епископ Алексей совершил божественную литургию в Свято-Успенском патриаршем мужском монастыре и возглаголил чин погребения погибшего священника Анатолия Мурыгина. Сайт Одесской епархии УПЦ МП Православная Одесса. URL : <http://eparhiya.od.ua/sobyitiya/sobyitiya/23-episkop-aleksiy-sovershil-bojestvennyu-liturgiyu-v-svyato-uspenskom-patriarshem-mujskom-monastyire-i-vozglavil-chin-pogrebeniya-pogibshego-svyaschennika-anatoliya-muryigina-> – Просмотрено 26 июня 2017.

²⁵ Сайт Одесской епархии УПЦ МП Православная Одесса. В автокатастрофе трагически погиб клирик одесской епархии, преподаватель одесской духовной семинарии священник Анатолий Мурыгин. URL : <http://eparhiya.od.ua/sobyitiya/sobyitiya/19-v-avtokatastrofe-tragicheski-pogib-kirik-odesskoy-eparhii-prepodavatel-odesskoy-duhovnoy-seminarii-svyaschennik-anatoliy-muryigin-> – Просмотрено 10 августа 2017.

Коля и Илья

Братья-близнецы. Болгары по матери. Очень добрые, отзывчивые и верующие ребята. Вместе пришли к батюшке Николаю проситься служить в алтаре. Вместе уехали поступать в Сергиев Посад. Вместе остались на продолжение обучения на академическом курсе. Вместе, не долго думая, женились, чтобы никогда не возвращаться в Мариуполь, на москвичках. Коля стал батюшкой, лет пять назад служил в Долгопрудном.

Илья лег в могилу после скоротечного и остро протекавшего лейкоза. Не думаю, что ему было больше 25 лет. Батюшкой стать не успел. Супруга осталась вдовой. Отсутствие сана у супруга дает ей право повторно выйти замуж. Если у иерея Анатолия на сносях осталась жена, то Илья оставил супругу бездетной. Коля в юности первым на Земле написал икону митрополита Игнатия Мариупольского. Святитель вымолил Николая от преждевременной смерти, в гроб за долги перед благочинием лег Илья.

– Внимание! Тесные врата! – после городского крестного хода 1997 года объявил Илье, пронесившего хоругвь между двумя близко росшими деревьями. Тот заулыбался – удачная шутка. А во мне как фотовспышка сработала – запомнил на всю жизнь. Спустя одиннадцать лет его не стало.

«Никогда не бери в долг!» – принимая первый раз, трижды повторил мне батюшка Зосима Никольский. Сказав в третий раз, горько-прегорько заплакал. Теперь эта скорбь коснулась родителей двух прекрасных ребят. Но утрата не повод для слепоты. Взял – отдай. Ни покаяния, ни прозрения не в одной из этих семей так и не наступило. И не наступит. Люди думают, что если на пять копеек потрудились в алтаре, то пять тысяч долга можно и не отдавать. Бесчеловечен человек. Человек эпохи потребления.

Ванечка разумный

Они были духовно близки друг к другу, два пономаря, Николай Моисеевич и Ваня. Их взяли в алтарь сразу после поступления в семинарию Сергиевого Посада Коли и Ильи. Молчуны. Марковский таких любил. Шли годы. Моисеевич и Ваня служили в алтаре. Внешне Иван ничем не выражал своих чувств и эмоций, спокойный, покладистый. А они были, эти самые чувства.

– Мне уже тридцать, а я все в пономарях. Учиться благословения благочинный не дает, не женат, диплома нет, с работы ушел, а здесь четыреста гривен на все про все. Живи как хочешь, – жаловался Ванечка женщинам на полах.

А те и рады, есть что донести.

– А мне уже сорок и не то что пономарить за четыреста гривен, а элементарного здоровья семидесятипятилетнего старика у меня нет, – ответил бабушкам. Доносите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.